Беф. 1235

Къ 100-лѣтнему юбилею отечественной войны 1812 года.

Bibl. Bobrinskoï.
Division № VIII 4.
№ du volume 12306 3
Armoire M 6

ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРА

Александра I-го Благословеннаго

И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

для

жителей Олонецкаго края.

(Съ портретомъ и рисунками).

Составилъ И. И. Благовѣщенскій, подъ редакціей А. Ѳ. Шидловскаго.

Изданіе Олонецкаго Губернскаго Земства.

ПЕТРОЗАВОДСКЪ.
Олонецкая Губернская Типографія.
1912.

Бобр
12806

Къ 100-лѣтнему юбилею отечественной войны 1812 года.

ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРА

Александра I-го Благословеннаго

И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

для

жителей Олонецкаго края.

(Съ портретомъ и рисунками).

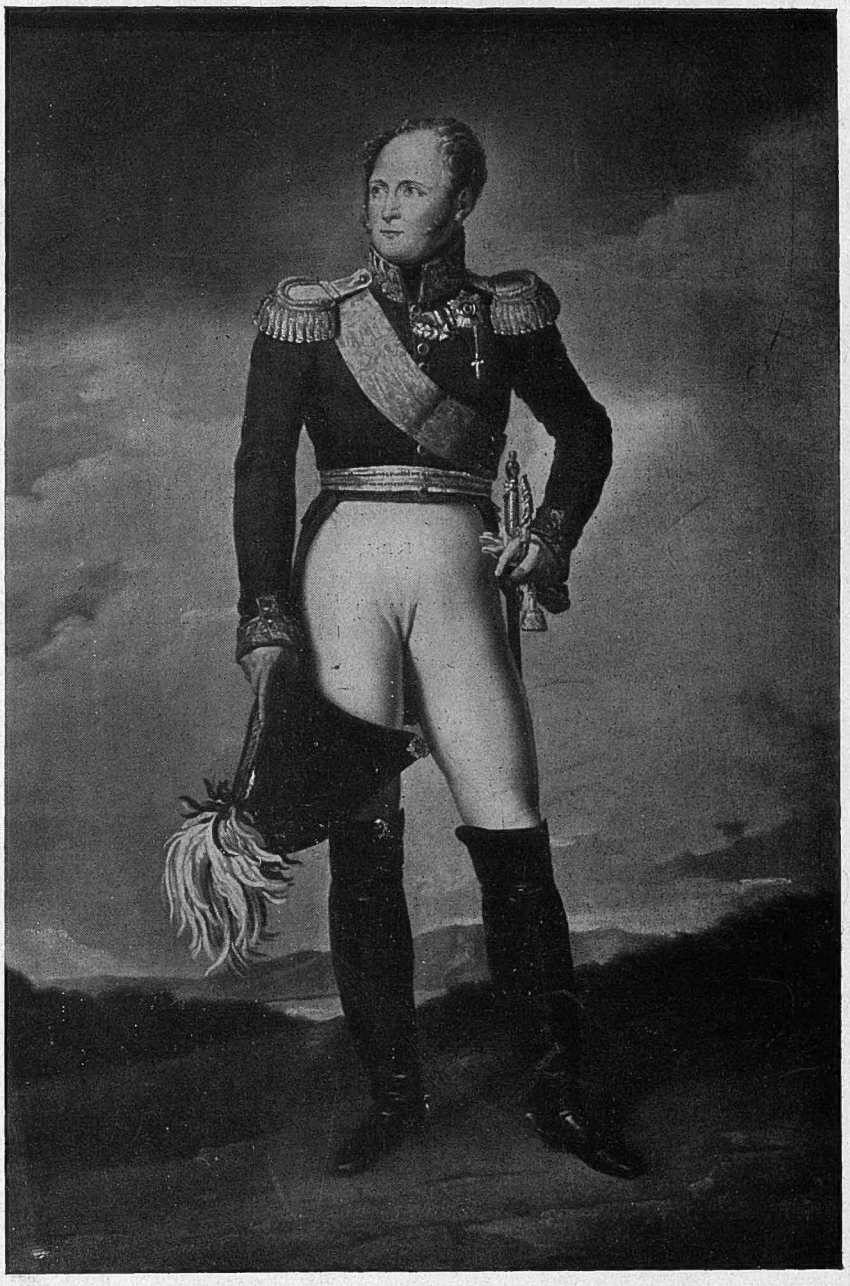
Составилъ **И. И. Благовѣщенскій**, подъ редакціей **А. Ѳ. Шидловскаго.**

Изданіе Олонецкаго Губернскаго Земства.

ПЕТРОЗАВОДСКЪ.
Олонецкая Губернская Типографія.
1912.

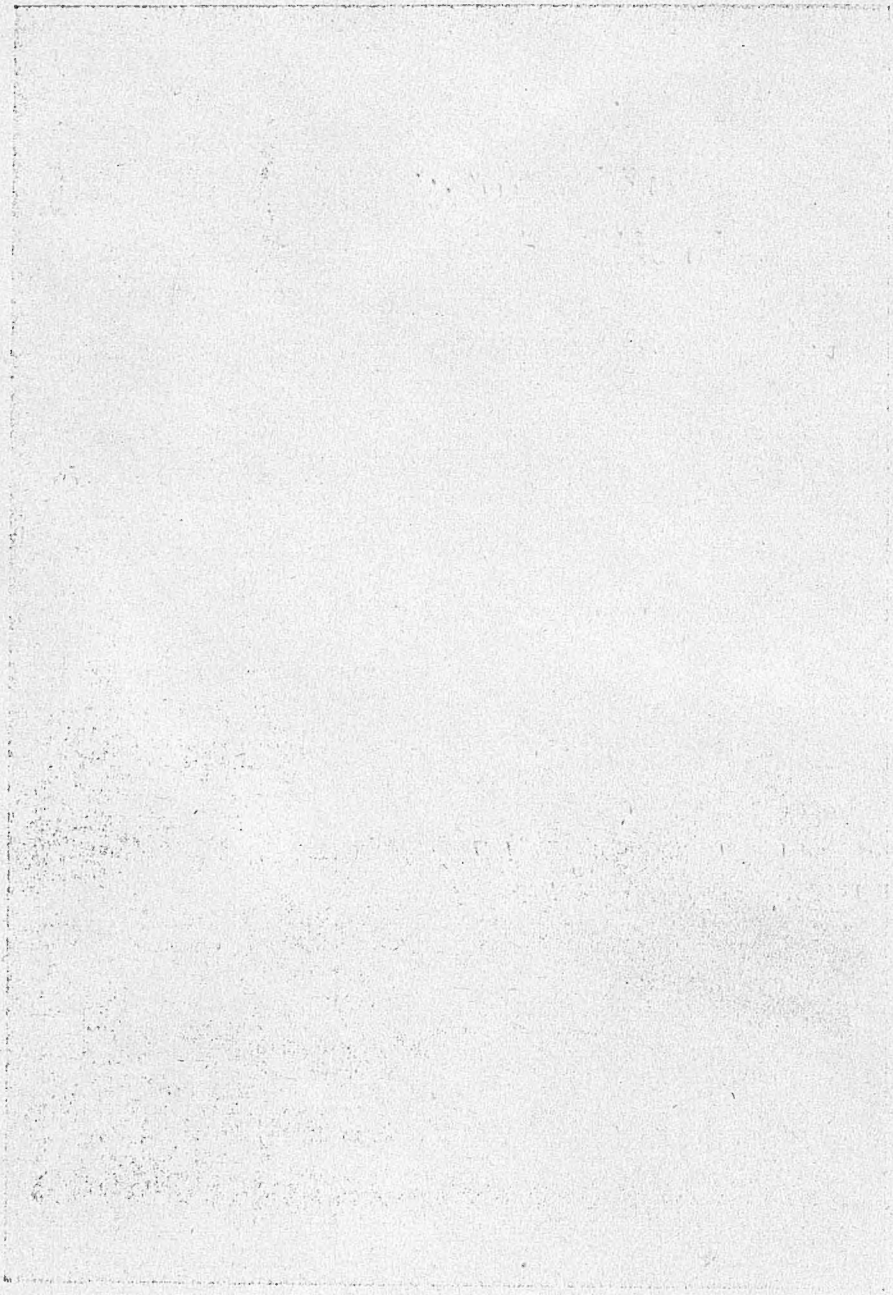
511772 V

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА



Императоръ Александръ I-й Благословенный.

(Съ фот. А. П. Галченко; оригиналъ принадлежитъ Александровскому заводу въ г. Петрозаводскѣ).



ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО
И
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

для жителей Олонецкаго края.

Вступленіе на прародительскій престолъ Императора Александра Павловича съ невыразимымъ восторгомъ встрѣтило все населеніе Россіи.

«Ни одинъ Государь», писалъ М. И. Богдановичъ въ своей исторіи царствованія Императора Александра Перваго, «не вступалъ на престолъ, при такихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, какими былъ встрѣченъ Александръ. Всѣ видѣли въ немъ надежду Россіи. Знакомые и незнакомые, встрѣчаясь между собою, поздравляли другъ друга, какъ съ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Казалось, милліоны людей возродились къ новой жизни». Дѣйствительно, народъ не обманулся. Императоръ Александръ I, съ первыхъ же дней вступленія на Престолъ, всецѣло посвятилъ себя заботамъ о нуждахъ народа и благѣ своего отечества. Стремясь всѣми силами къ обширнымъ внутреннимъ преобразованіямъ Россіи, онъ прекратилъ уже начатую войну съ Англіей, возвратилъ съ похода въ Индію казаковъ, и, отказавшись отъ вооруженнаго нейтралитета между Россіей, Швеціей, Даніей и Пруссіей, возобновилъ дружбу съ Англіей и вскорѣ даже съ Франціей.

Обезпечивъ такимъ образомъ миръ, который, однако, оказался непродолжительнымъ, Государь всецѣло отдался дѣламъ внутренняго устройства. Не смотря на короткое мирное время, онъ успѣлъ осуществить рядъ весьма важныхъ реформъ въ устройствѣ административныхъ учрежденій, въ войскахъ и въ дѣлахъ народнаго просвѣщенія.

Благодѣтельныя реформы Императора Александра Перваго отразились и на Олонецкой губерніи. До вступленія Его на царство, губернія наша не разъ подвергалась измѣненію въ отношеніи своего административнаго подчиненія, въ послѣднее время была даже упразд-

нена. Возстановленіемъ своимъ губернія наша обязана незабвенному Императору Александру I, вскорѣ послѣ восшествія своего на прародительскій престолъ издавшему Высочайшій Указъ 9-го сентября 1801 года объ учрежденіи Олонецкой губерніи въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ она находилась до раздѣла между губерніями Новгородскою и Архангельскою.

При скромной обстановкѣ 3-го января 1802 года совершилось открытіе главнаго въ губерніи учрежденія Губернскаго Правленія. Въ тотъ же день открыты были Палаты: Казенная, Уголовная, Гражданская, Приказъ общественнаго призрѣнія, Совѣстные суды, Уѣздные суды, Городовые магистраты и Ратуши.

Жители губерніи, порадованные милостями своего Государя, съ особенною торжественностью отпраздновали въ 1802 году день Ангела Императора Александра Павловича и ознаменовали этотъ день учрежденіемъ народнаго училища, сиротскаго дома и богадѣльни. Жители прочихъ городовъ тоже приняли живое участіе въ этомъ дѣлѣ: Губернскіе чиновники пожертвовали единовременно 1000 руб., Городское Общество Петрозаводска ежегодно по 800 руб., Каргополь, Вытегра, и Олонецъ по 500 рублей, прочія по 100 рублей.

31-го іюля 1802 года изданъ былъ штатъ Олонецкой губерніи, по которому Петрозаводскъ оставленъ въ ней губернскимъ городомъ; возстановлены заштатные города: Лодейное-поле, Пудожъ и Повѣнецъ.

Важнѣйшимъ дѣломъ въ жизни Олонецкой губерніи въ продолженіе Царствованія Императора Александра I было осуществленіе творческой мысли Петра Великаго—устройство водной Маріинской системы, благодѣтельно отозвавшееся на коммерческомъ и промышленномъ развитіи южной части губерніи.

Въ 1805 году была открыта при Губернскомъ Правленіи Губернская Типографія, въ которой кромѣ циркулярныхъ указовъ, печатались нѣкоторые частныя изданія, напримѣръ: піесы для существовавшаго въ городѣ Петрозаводскѣ любительскаго театра.

Для обезпеченія народнаго продовольствія были учреждены хлѣбные запасные магазины, исключая жителей Повѣнецкаго уѣзда, которые по суровости климата и постояннымъ неурожаямъ въ 1803 году освобождены отъ устройства запасныхъ магазиновъ и взноса хлѣба. Для осуществленія цѣли устройства запасныхъ магазиновъ въ 1822 году открыта была Комиссія народнаго продовольствія.

До 1811 года въ Олонецкой губерніи для присутственныхъ мѣстъ и учрежденій производились дворянскіе выборы, но недостатокъ дворянъ вынудилъ ограничить кругъ выборовъ только на должности предводителей и депутатовъ дворянства, подчинивъ ихъ непосредственному наблюденію и утвержденію Губернатора.

Основанная Императоромъ Петромъ Великимъ Лодейнопольская корабельная верфь хотя и продолжала свое существованіе, но постройка на ней судовъ то прекращалась, то возобновлялась, смотря по нуждамъ морского вѣдомства; Императоръ Александръ Благословенный обратилъ на это особенное вниманіе и помимо обслуживанія нуждъ флота, здѣсь строились морскія суда для плаванія экспедицій къ южному и сѣверному полюсамъ.

Царствованіе Императора Александра I, ознаменовалось обширными благодѣтельными мѣрами къ развитію народнаго образованія и было временемъ учрежденія главнаго народнаго училища въ Петрозаводскѣ, преобразованнаго въ 1808 году въ губернскую гимназію, при немъ открыты были также училища духовныя и сельскія.

Не надолго Императору Александру Павловичу пришлось отдать себя дѣятельности, посвященной всецѣло заботамъ о благѣ народномъ. Въ 1804 году произошелъ во Франціи государственный переворотъ: Наполеонъ уничтожилъ республику и былъ провозглашенъ Императоромъ Франціи. Преслѣдуя всѣхъ тѣхъ, кто могъ бы ему препятствовать во властолюбивыхъ замыслахъ внутри своей имперіи, Наполеонъ началъ тѣснить сосѣдей — государей и мало по малу подчинилъ ихъ себѣ. Остались свободными только двѣ державы — Россія и Англія. Наполеонъ имѣлъ намѣреніе жить съ Россіей въ мирѣ, даже заключить съ ней союзъ. Во время свиданія своего въ Тильзитѣ съ Императоромъ Александромъ Первымъ, Наполеонъ, воздавая дань храбрости русскому войску, выразился такъ: «соединенныя арміи Россіи и Франціи могутъ господствовать надъ всѣмъ міромъ, даруя народамъ благоденствіе и спокойствіе». Наполеонъ предложилъ Государю нашему дѣлежъ міра. Предложеніе это не могло найти сочувствія въ благородной и безкорыстной душѣ Императора Александра Павловича. Поводомъ къ охлажденію отношеній Императоровъ послужилъ и отказъ Императора Александра Павловича на сватовство Наполеона къ его родной сестрѣ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Создавшіяся политическія осложненія

окончательно обострили отношенія между Россіей и Франціей и въ концѣ 1811 года перешли уже въ явную вражду: война стала неизбѣжной.

Въ то время, когда предъ грознымъ завоевателемъ всѣ державы Европы поникли головою, только одинъ нашъ Императоръ Александръ I явилъ достоинство Великаго Монарха, а потому Россія для Наполеона оказалась единственной непокорной страной

И вотъ, когда Наполеонъ въ 1812 году двинулъ несмѣтныя полчища (болѣе 600 тысячъ войска) на Россію, Русскій Царь встрѣтилъ грознаго врага во всемъ своемъ величіи, рѣшивъ: «отомстить за оскорбленную честь Отечества, погибнуть или побѣдить». Съ трепетомъ ожидали народы Европы результатовъ этой войны, отъ которой зависѣлъ вопросъ: быть ли царствамъ Европы самостоятельными, или же превратиться въ одну общую страну съ одной общей столицей Парижемъ.

Первыя столкновенія съ непріятелемъ ясно показали, какъ велики были силы его, а потому Императоръ Александръ рѣшилъ призвать на борьбу весь свой вѣрный народъ. 6-го іюля онъ въ Полоцкѣ подписалъ манифестъ ко всей Россіи. Этимъ было положено начало государственному ополченію. «Мы уже воззвали», гласилъ манифестъ, «къ первопрестольному граду нашему Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній... Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицина, въ каждомъ гражданинѣ—Минина. Соединитесь всѣ! Съ крестомъ въ сердцѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ».

Это воззваніе произвело въ народѣ огромное впечатлѣніе.

Олонецкая губернія приняла также патріотическое участіе въ пожертвованіяхъ на алтарь отечества. Олонецкое дворянство положило собрать съ 50 душъ по одному ратнику, обмундировать ихъ на свой счетъ, снабдить оружіемъ, какое можно было достать, дать жалованье на годъ и провіантъ на шесть мѣсяцевъ. Но вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ другой манифестъ 18 іюля, которымъ созывъ ополченія ограничивался 17 губерніями, и повелѣно было набрать изъ Олончанъ до 570 лучшихъ стрѣлковъ. Ихъ въ августѣ мѣсяцѣ отправили на подводахъ въ С.-Петербургъ, гдѣ они вмѣстѣ съ Вологодскими стрѣлками составили особую

стрѣлковую дружину и вошли въ составъ Петербургскаго ополченія. Имъ были выданы изъ арсенала тирольскіе штуцера, а начальникомъ и учителемъ былъ назначенъ отставной подполковникъ 47-го егерскаго полка Моренталь, человѣкъ весьма замѣчательный *).

Немного пришлось Моренталю заниматься обученіемъ мужичковъ, которые въ своихъ дремучихъ лѣсахъ и изъ своихъ самодѣльныхъ винтовокъ били бѣлку, въ моментъ ея прыжка съ одной сосны на другую, и били непремѣнно въ голову, чтобы шкурку не попортить. Приноровясь къ штуцерамъ и выучась необходимымъ ружейнымъ пріемамъ, они всѣ—тысяча слишкомъ человѣкъ стали такими же мастерами въ стрѣльбѣ, какимъ былъ бомбандиръ Букашка **). Многіе изъ нихъ, также какъ и онъ, сумѣли бы «выжать изъ жаръ-птицы свѣтленькое яичко», т. е. прострѣлить пулею фальшфейеръ, привязанный къ ракетѣ, во время ея полета.

Однажды Моренталь и Букашка показали необыкновенный опытъ мѣткой стрѣльбы во время темноты въ фонарь, повѣшенный на мачтѣ и освѣщаемый на одно мгновеніе, пробивая его пулями нѣсколько разъ сряду.

Черезъ мѣсяцъ послѣ прибытія въ Петербургъ, олонецкіе и вологодскіе стрѣлки были представлены на Высочайшій Государя Императора смотръ. Александръ Павловичъ, прибывъ къ дружинѣ, приказалъ Моренталю вызвать изъ фронта лучшаго стрѣлка; получивъ же отвѣтъ, что всѣ въ дружинѣ стрѣляютъ одинаково, Государь вызвалъ перваго попавшагося ему на глаза Олончанина и приказалъ стрѣлять въ поставленную мишень. Олончанинъ приложился—пафъ!... и пуля засѣла въ самомъ центрѣ яблока; былъ вызванъ другой—пафъ!... пуля выбила изъ мишени засѣвшую въ ней пулю перваго его товарища; наконецъ, былъ вызванъ третій,—онъ пулею своею расщепалъ въ мишени отверстіе, сдѣланное пулями двухъ его товарищей; словомъ, всѣ трое клали пуля въ пулю.

Послѣ такого испытанія, Государь, обратясь къ Моренталю, ска-

*) Иванъ Ѳедоровичъ Моренталь былъ ревельскій уроженецъ, штабъ-офицерскій сынъ. Служа въ 1798 году на фрегатѣ „Эммануилъ“ унтеръ-офицеромъ морской артиллеріи, онъ случайно обратилъ на себя особенное вниманіе Императора Павла I и черезъ полгода послѣ того былъ произведенъ въ констапели—первый оберъ-офицерскій чинъ морской артиллеріи. Будучи отличнымъ стрѣлкомъ изъ ружья, онъ въ то же время былъ и отличнымъ артиллеристомъ, а главное—обладалъ особенною способностью, толково передавать своимъ неграмотнымъ канонирамъ все необходимое для хорошаго пушкаря. Лучшимъ учителемъ на батареяхъ послѣ Ивана Ѳедоровича былъ бомбардиръ

**) Букашка получилъ эту кличку за то, что въ грамотѣ далѣе „буки“ не подвигался, между тѣмъ какъ имѣлъ природный умъ и силу исполина.

залъ: «Если всѣ твои мужички стрѣляютъ такъ, какъ эти три молодца, то—ученыхъ учить, только портить».

Петербургскому ополченію назначено было присоединиться къ корпусу графа Витгенштейна, дѣйствовавшему противъ корпуса Сенъ-Сира, занимавшаго въ это время Полоцкъ. Ополченіе дѣлилось на два отряда: первый отрядъ, въ которомъ состояла дружина Олонецкихъ и Вологодскихъ стрѣлковъ, былъ подъ начальствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора Александра Александровича Бибикова, а второй—подъ начальствомъ генералъ-маіора Бѣгичева.

3 сентября 1812 г., утромъ Императоръ Александръ объѣхалъ ряды ополченныхъ, выстроенныхъ на Семеновскомъ парадномъ мѣстѣ, и изъявилъ имъ особенное свое удовольствіе, а митрополитъ Амвросій освятилъ знамя, дарованное Государемъ ополченію. Оно было бѣлое полотняное, съ восьмиконечнымъ крестомъ по срединѣ и надписью по обѣимъ сторонамъ: «Симъ побѣдиши», подобно той, какая нѣкогда была на знаменахъ перваго императора христіанскаго—Константина. По угламъ, въ лавровыхъ вѣнкахъ, подъ коронами, находилось вензелевое изображеніе имени Государя. По окончаніи этого обряда и молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, ополченцы прошли мимо Государя церемоніальнымъ маршемъ и отправились на предстоявшее имъ святое дѣло—на защиту отечества.

3-го октября ополченцы прибыли къ корпусу графа Витгенштейна, а 6-го октября, въ день Тарутинскаго сраженія, первый разъ вступили въ дѣло.

Сенъ-Сиръ, какъ было сказано, занималъ Полоцкъ. Заключая по движеніямъ нашихъ войскъ о скоромъ на него нападеніи, онъ поставилъ свой корпусъ въ боевой порядокъ по обоимъ берегамъ Полоты и въ редутахъ вокругъ Полоцка, обороненнаго палисадами. Графъ Витгенштейнъ рѣшился атаковать непріятеля и оттѣснить его къ полоцкимъ укрѣпленіямъ. Авангардъ нашъ, начавшій дѣло, выбилъ французовъ изъ лѣса, находящагося между деревнями Громами и непріятельскимъ лагеремъ; но, приблизясь къ опушкѣ лѣса и выходя на поляну, былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ орудій и кавалеріею. Французы овладѣли нашею батареею и, раздѣлившись на двѣ части, намѣревались отбросить лѣвое крыло нашего боевого корпуса къ Двинѣ, а центръ оттѣснить на правый флангъ; но этого имъ не удалось исполнить. Къ угрожаемому мѣсту поспѣлъ графъ Витгенштейнъ по самой цѣпи, осы-

паемый пулями. Непріятель былъ опрокинуть и принужденъ былъ оставить только что взятую передъ тѣмъ нашу батарею. По всей линіи открылся огонь. Наши стрѣлки центра, въ числѣ которыхъ были Олончане и Вологжане съ своимъ начальникомъ Моренталемъ, замѣтивъ, что французы начали подаваться назадъ бросились на нихъ и взяли передовыя укрѣпленія; за стрѣлками пошли колонны, впереди которыхъ былъ графъ Витгенштейнъ. Моренталь, хотя вполнѣ раздѣлялъ увлеченіе своихъ мужичковъ, но понимая, какую они могутъ принести пользу своими пулями при другихъ обстоятельствахъ, съ грустью и ужасомъ смотрѣлъ, какъ десятокъ за десяткомъ храбрыхъ его учениковъ валили непріятельскія картечь и пули; наконецъ, не вытерпѣвъ, скрѣпя сердце, онъ подскакалъ къ графу Витгенштейну и со слезами на глазахъ началъ умолять его поберечь Олонецкую и Вологодскую дружины.

— «Ваше сіятельство, вѣдь это ученые стрѣлки!» говорилъ Моренталь.

— «Я этого не зналъ!» — отвѣтилъ графъ и тотчасъ приказалъ дружину Моренталя отодвинуть назадъ, а потомъ приказалъ ей залечь въ разсыпную у палисадовъ, окружавшихъ Полоцкъ. Вотъ тутъ-то наши «Букашки» показали себя: ни одна пуля не была ими выпущена даромъ,—била врага на выборъ.

«Эй, Тимофей! стрѣль вонъ въ эвтово-то, что ружье снаряжаетъ, а я стрѣльну въ офицера, что саблей машетъ, да оретъ».

Пафъ, пафъ!... и французъ заряжавшій ружье, и офицеръ махавшій саблею,—оба «хряснулись» на землю, пробитые пулями Олончанъ.

Восхищаясь мужествомъ ратниковъ и мѣткою стрѣльбою Олончанъ и Вологжанъ, графъ Витгенштейнъ съ восторгомъ сказалъ окружающимъ; «намъ не нужно тирольскихъ стрѣлковъ: у насъ есть олонецкіе и вологодскіе мужички!» и тутъ же далъ приказъ щадить ихъ и не посылать болѣе въ стрѣлки.

Къ ночи Полоцкъ былъ взятъ—и графъ Витгенштейнъ въѣхалъ въ городъ до свѣта. На слѣдующее утро совершено въ соборѣ молебствіе о побѣдѣ и панихида по убитымъ.

Въ этомъ дѣлѣ, 6 октября—пишетъ военный историкъ Михайловскій—Данилевскій въ своей исторіи 1812 года—Петербургское ополченіе, несмотря на то, что было впервые въ огнѣ, явило рѣдкіе примѣры храбрости и любви къ отечеству. Начальники и офицеры, хотя большею частію были изъ гражданской службы, но явили тоже прекрас-

ные примѣры соревнованія другъ передъ другомъ, кидаясь въ опаснѣйшія мѣста. Истекая кровью, раненые изъ нихъ не хотѣли оставлять поля сраженія; другіе, при послѣднемъ вздохѣ, кричали дружинамъ: «Впередъ! ура! и съ этими словами умолкали на вѣки.

Ратники не уступали офицерамъ. Сбросивъ съ себя полушубки, кафтаны, стрѣлки выбѣгали изъ цѣпи, устремлялись на непріятеля; дрались прикладами и топорами. Когда дружинамъ приходило повелѣніе идти въ дѣло, то они, перекрестясь, говорили: «Господи благослови!» и безстрашно шли подъ градъ пуль и картечей. Три раза перекрестный огонь батарей принуждалъ колонны ратниковъ отступать; но при словахъ главнаго начальника, сенатора Бибикова: «Стой, ребята! куда вы? Мы русскіе, православные, съ нами Богъ! Впередъ! Ура!» воины съ новымъ мужествомъ возвращались въ бой. Когда приказано было идти на приступъ Полоцка, всего болѣе предстояло трудностей въ западной части города, гдѣ былъ деревянный рогатками закинутый мостъ на Полоти, протекающей въ глубокомъ оврагѣ. Мостъ висѣлъ надъ пропастью и примыкалъ къ городскому въѣзду, прорытому сквозь высокую гору; на ея вершинѣ были батареи, а внутри бойницы. За крѣпкою оградой непріятель защищался упорно. Одна изъ дружинъ ополченія, статскаго совѣтника Николаева, первая пошла къ мосту. Охотники бросились въ рытвину, перешли Полоть въ бродъ, крикнули «ура!» и тѣмъ подали знакъ къ нападенію.

Почитая себя обойденными, французы оробѣли и не успѣли даже, какъ имъ было приказано, взорвать моста, а ратники, которыхъ Сенъ-Сиръ называлъ: «les hommes á grandes barbes» (т. е. люди съ большими бородами) бросились на мостъ, откинули рогатки и, пролагая себѣ путь штыками и топорами, явились первые съ лѣвой стороны въ Полоцкѣ. Французы съ изумленіемъ спрашивали нашихъ плѣнныхъ: откуда взялись эти безстрашные люди, съ крестомъ на фуражкѣ, пришедшіе на ихъ пагубу.

Графъ Витгенштейнъ въ приказѣ по войскамъ, отданномъ на другой день по взятіи Полоцка, назвалъ Петербургское ополченіе «защитниками Россіи». А русскій народъ наименовалъ графа Витгенштейна «спасителемъ Петрова града!» Есть печатный экземпляръ «солдатской пѣсни на взятіе графомъ Витгенштейномъ Полоцка штурмомъ». Пѣсня эта была сочинена тотчасъ послѣ 6-го октября и напечатана (на отдѣльномъ листѣ) 13 октября 1812 года. Ее пѣвалъ бывшій Олонецкій

стрѣлокъ, старикъ — крестьянинъ изъ деревни близъ Петрозаводска, Тимофей. На груди сѣраго своего кафтана Тимофей постоянно носилъ знакъ Св. Георгія и серебряную на голубой лентѣ медаль, съ Всевидящимъ Окомъ на одной сторонѣ и съ надписью на другой: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему»; шапка его была украшена мѣднымъ крестомъ.

Исполняя приказаніе графа Витгенштейна, дружину Олонецкихъ и Вологодскихъ стрѣлковъ, по возможности берегли. Въ декабрѣ, когда по изгнаніи Наполеона изъ предѣловъ Россіи Императоръ Александръ I двинулъ армію на освобожденіе Европы, Петербургское ополченіе столь было ослаблено сраженіями и суровостью зимы, что большую часть дружинъ оставили гарнизонами въ пограничныхъ мѣстахъ; нѣкоторые были посланы сопровождать плѣнныхъ; множество ратниковъ лежало въ госпиталяхъ и изъ 12000 ополченнаго прекраснаго войска, двинувшагося въ сентябрѣ изъ Петербурга, въ декабрѣ вступило въ Пруссію только 900 человѣкъ. Въ числѣ горсти храбрыхъ была 16-я дружина, составленная изъ Олонецкихъ стрѣлковъ. 15 января 1813 года Олончане вступили въ Кенигсбергъ, и графъ Витгенштейнъ объявилъ намѣреніе оставить дружину эту при себѣ. Олончане были неразлучны съ знаменитымъ вождемъ въ продолженіе походовъ 1813 и 1814 годовъ. Послѣднее дѣло, въ которомъ пришлось Олонецкимъ стрѣлкамъ помѣняться своими пулями съ французами, было 18 марта 1813 года подъ стѣнами Парижа.

Въ 1815 году, Олонецкіе стрѣлки, совершивъ святое дѣло и побывавъ въ столицѣ Франціи, возратились на свою родину; но уже не въ томъ числѣ, въ какомъ они ее оставили; за то почти всѣ возвращавшіеся были украшены Георгіевскими крестами. Торжественно они были встрѣчены въ своемъ губернскомъ городѣ Петрозаводскѣ. Не доѣзжая до города, по Петербургскому тракту, были устроены, по случаю этой встрѣчи, деревянныя тріумфальныя ворота. Ворота эти существовали до конца двадцатыхъ годовъ и назывались жителями «Трухмальными воротами».

Во время войны рекрутскіе наборы были неоднократны. Съ начала войны призвано было по 2 человѣка со 100 ревизскихъ душъ. Срокъ призыва былъ короткъ—всего два мѣсяца. Чтобы успѣшнѣе произвести наборъ, отмѣненъ былъ прежній порядокъ требованія призываемыхъ въ г. Петрозаводскъ со всей губерніи, что по дальности разстояній, при

тогдашнихъ путяхъ сообщенія, было крайне затруднительно. Призываемыхъ принимали по уѣзднымъ городамъ. Производство призыва возложено было на вице-губернатора Уварова и предсѣдателя уголовнаго суда Башинскаго, которые для этой цѣли командированы были въ уѣздные города. Въ Петрозаводскъ требовались только со своего уѣзда новобранцы. Годные рекрута, по мѣрѣ пріема, отправлялись въ города Выборгъ и Гельсингфорсъ. Въ предупрежденіе побѣговъ, нужно было новобранцевъ конвоировать чрезъ особыхъ нижнихъ чиновъ, назначаемыхъ по одному на каждые десять новобранцевъ. Это конвоированіе очень затрудняло въ такое горячее военное время, когда люди нужны были для защиты отечества.

Многимъ, очень многимъ Олончанамъ пришлось сложить кости свои на поляхъ брани. Изъ потомковъ участниковъ отечественной войны, какъ намъ извѣстно, существуетъ теперь 9 семействъ, занимающихся хлѣбопашествомъ. Между прочимъ въ Повѣнцѣ проживаютъ потомки бывшаго Паданскаго виннаго пристава, штабсъ-капитана Артемія Васильева, участвовавшаго въ чинѣ фельдфебеля въ бояхъ 13 іюля 1812 г., при Брестъ-Литовскѣ, 15 іюля—при г. Кобринѣ, 31 іюля при сел. Городечко, въ сраженіи противъ австрійскихъ войскъ, 16 ноября при сел. Бронловки и Стаховѣ во время удержанія войскъ непріятельскихъ, переправлявшихся чрезъ рѣку Березину, послѣ чего Васильевъ участвовалъ еще при преслѣдованіи непріятеля въ Прусскихъ предѣлахъ; за отличіе онъ былъ произведенъ въ подпоручики 7 апрѣля 1817 года.

Въ то время какъ побѣдоносное шествіе Наполеоновскаго полчища направилось въ глубь Россіи—къ Москвѣ, образовались въ помощь нашему войску партизанскіе отряды, впослѣдствіи оказавшіе громадную пользу. Цѣлью партизанскихъ или такъ называемыхъ летучихъ отрядовъ было, по указанію главнокомандующаго, иногда и самостоятельно нападать неожиданно на непріятеля съ фланга и тыла, разрушать пути сообщенія, по которымъ врагъ слѣдуетъ, нападать на малые непріятельскіе отряды, развѣдывать о противникѣ, препятствовать подвозу провіанта, перехватывать переписку, возбуждать народное возстаніе въ тылу непріятеля и т. д. Эти летучіе отряды продовольствовались сами на свой счетъ, чѣмъ избавляли армію отъ всякихъ заботъ. Особенно успѣшно такіе отряды дѣйствовали въ арміи Багратіона. Слухъ объ этомъ, конечно, доходилъ и до Олонецкой губерніи. Хотя непріятельскія полчища далеко были отъ нашей губерніи, но рѣшимость простого народа

сразиться съ непріятелемъ охватывала и Олончанина. Это во-очію вывыразилось въ гор. Вытегрѣ при одномъ случаѣ, оказавшемся впослѣдствіи ошибочнымъ.

По занятіи Москвы французами, разнеслась вѣсть, что французы мародеры большими толпами разошлись и разъѣхались по всему царству православному забирать добро русское. Въ одинъ день въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по вечеру, пріѣхалъ въ городъ Вытегру крестьянинъ въ страшномъ испугѣ, на лошади, едва незагнанной по дорогѣ, отъ С.-Петербурга, и передалъ: «ѣдутъ и идутъ французы, полонить городъ». При распросахъ почему онъ это знаетъ, узнали отъ него только то, что онъ своими глазами видѣлъ ихъ ружья, и что отъ конныхъ и пѣшихъ пыль столбомъ. Такая вѣсть въ нѣсколько минутъ разнеслась по городу и привела въ тревогу всѣхъ жителей; чрезъ нѣсколько минутъ извѣстіе это подтвердилось другимъ пріѣхавшимъ съ той же стороны и такъ же въ испугѣ. Сомнѣнья нѣтъ, злодѣи узнали, что везутъ въ Вытегру царскія сокровища, такъ и идутъ завладѣть ими. Положено было всѣмъ, кто могъ до послѣдней капли крови защищать городъ или умереть. Въ совѣтъ приглашенъ былъ начальникъ инвалидной команды капитанъ Смирновъ, 75-лѣтній старецъ, служившій Матушкѣ Екатеринѣ подъ знаменами безсмертнаго Суворова; онъ одобрилъ геройское намѣреніе, согласился на предложеніе принять команду надъ ополченіемъ, на-скоро сформированнымъ и вооруженнымъ ружьями, рогатинами и всѣмъ, у кого что случилось и соединилъ ввѣренную ему Инвалидную команду, состоявшую изъ 60 человѣкъ, вооруженную одними тесаками (тогда инвалидныя команды ружей не имѣли), поставя въ боевой строй, скомандовалъ тесаки на голо,—повелъ съ барабаннымъ боемъ давно простившихся съ полемъ брани такихъ же почти старцевъ какъ и самъ, (вѣрно иные изъ нихъ спорили со смертью на поляхъ чести и славы въ грозныхъ рядахъ Великаго Суворова), вмѣстѣ съ ними повелъ Вытегорское ополченіе для встрѣчи враговъ на другую сторону рѣки Вытегры, приказавъ поднять подъемный мостъ, чтобы лишить непріятеля единственнаго сообщенія съ городомъ. Отойдя отъ города съ полверсты, остановились при встрѣчѣ нѣсколькихъ крестьянъ, ѣхавшихъ въ городъ для разныхъ закупокъ по хозяйству; распросили у нихъ о французахъ и они сказали, что французовъ не только не видали, но и не слыхали. Такое извѣстіе успокоило и увѣрило, что тревога произошла отъ страха или ошибки. Возвратились обратно, разослали узнать причину испуга

крестьянъ въ тѣ деревни, близъ которыхъ показались французы. И что же узнали, съ разныхъ деревень собралось болѣе 20-ти крестьянъ косить болото (болото косятъ осенью послѣ уборки хлѣба), впереди ѣхали четыре или пять человѣкъ верхомъ на лошадяхъ съ хлѣбными припасами, держа косы на плечахъ, сзади шли человѣкъ 20-ть то же съ косами на плечахъ, а ѣхавшіе въ городъ, оглянувшись назадъ, увидѣли одни сверкающіе косы, на которыхъ отражались лучи заходящаго солнца, и которыхъ въ страхѣ показалось много, приняли косы за ружья, и, будучи предварительно напуганы разсказами о скоромъ приходѣ французовъ, къ тому же и пыль поднявшаяся съ сухой дороги скрывала мирные костюмы сосѣдей, все это вмѣстѣ заставило ихъ скакать съ страшнымъ извѣстіемъ въ городъ. У страха глаза велики.

Развязка можетъ покажется комическою, но оправдывается дѣйствіе Вытегоровъ геройскимъ намѣреніемъ сразиться съ врагами отечества и чувствомъ патріотизма—умереть за свою родину.

У русскихъ одно «лечь костьми, а не осрамиться».

Въ Отечественную войну вездѣ и всѣ русскіе при первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля принимали рѣшительныя мѣры къ отраженію; не разсуждали и не спрашивали: сколько непріятелей и сколько защитниковъ.

Печальная вѣсть о занятіи Москвы французами быстро разнеслась по всей Россіи. Изъ Москвы, что только можно было увести, увезли въ отдаленныя мѣстности. Начали опасаться и за Петербургъ, откуда по распоряженію начальства перевозилось все наиболѣе цѣнное изъ столичныхъ соборовъ, музеевъ, библіотекъ и другихъ учрежденій. Такъ наприм., въ гор. Вытегру на 22 большихъ ластовыхъ судахъ, были привезены драгоцѣнности и разныя вещи Императорскаго Эрмитажа и Кабинета Его Величества. Драгоцѣнности Московскихъ Кремлевскихъ соборовъ хранились въ Прилуцкомъ монастырѣ, близъ Вологды, а сокровища Императорской Публичной библіотеки изъ Петербурга въ ящикахъ были отправлены въ Олонецкую губернію и оставались здѣсь до половины 1813 года. Въ Петрозаводскѣ, въ зданіи гимназіи были помѣщены студенты С.-Петербургскаго педагогическаго института и казенные воспитанники Петербургской гимназіи, отправленные сюда подъ наблюденіемъ Директора Института Энгельгарта съ профессорами Лодіемъ, Кукольникомъ и Арсеньевымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были отправлены въ Петрозаводскъ на одной соймѣ дѣла и вещи Де-

партамента Народнаго Просвѣщенія, Педагогическаго Института, медицинской академіи, Академіи наукъ и Публичной библіотеки, которые были размѣщены въ домѣ гимназіи и въ гостиномъ дворѣ.

Каждый день можно было видѣть огромные транспорты, отправлявшіеся изъ С.-Петербурга сухопутно и водою въ отдаленныя сѣверныя части Имперіи. Студенты Педагогическаго Института, конечно, могли бы стать вооруженною силою для защиты отечества отъ непріятеля, но по какому то странному и непонятному взгляду графа Разумовскаго, тогдашняго Министра Народнаго Просвѣщенія, и по настоятельнымъ внушеніямъ Е. А. Энгельгарта, состоявшаго тогда Директоромъ Института, отправлены были въ Петрозаводскъ.

Наполеонъ мечталъ найти въ Москвѣ миръ и отдыхъ своимъ измученнымъ и голоднымъ войскамъ и освѣжить ихъ силы. Но на пылающихъ развалинахъ Москвы онъ не нашелъ не только хлѣба и фуража, но даже и квартиры. Онъ вынужденъ былъ оставить Москву и отступить обратно.

Въ то время, какъ олончане-стрѣлки въ составѣ русской арміи двинулись за отступавшими наполеоновскими войсками въ западную Европу и достигли, наконецъ, Парижа,—въ это время нѣкоторые изъ французскихъ военно-плѣнныхъ доставлены были въ невѣдомый для нихъ ранѣе нашъ Олонецкій край и были расквартированы на жительство по нашимъ городкамъ.

Неизвѣстно точно, когда явились сюда первыя партіи военноплѣнныхъ; вѣроятно, одновременно съ отправленными въ Архангельскъ, а архангельскія партіи прошли черезъ г. Вытегру въ октябрѣ 1812 года. Нѣтъ также данныхъ о времени оставленія нашего края всѣми военноплѣнными, но изъ дѣлъ Олонецкаго Губернскаго Правленія *) видно, что въ началѣ 1814 года не только не возникало еще вопроса о возвращеніи военноплѣнныхъ на родину, но даже къ первымъ партіямъ ихъ присоединились новыя. По рапортамъ Олонецкому гражданскому губернатору, д. с. с. Вилиму Ѳедоровичу Мертенсу уѣздныхъ городничихъ: Петрозаводскаго—Извѣкова, Повѣнецкаго—Янышина, Вытегорскаго—Познякова, Пудожскаго—Ксиландра, Каргопольскаго—Пашкова и Олонецкаго—Ишкарина, къ 1 января 1814 года всѣхъ военноплѣнныхъ проживало въ Олонецкой губерніи 83 человѣка; изъ нихъ было генераловъ—1, офицеровъ—43 и нижнихъ чиновъ—39 человѣкъ. Въ частно-

*) Дѣло о военноплѣнныхъ французахъ; по архиву № 274 за 1814 г., лист. 259.

сти, *въ Петрозаводскѣ* проживали: генералъ Далетръ, адъютантъ Дарибо, подпоручикъ Пей Пьеръ, денщики Малей и Агюстинъ и нижніе чины: Монно Риссъ, Жанъ Ватранъ, Клодъ Морпалъ, Лербъ Теодоръ и Ренели Розъ; *въ Вытегрѣ:* капитаны: баварскіе — Вейсгауптъ, баронъ Балигандъ и французъ Ремъ Доминикъ, кирасиръ, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона; поручики: Лебрамеръ Луи Шевалье, кирасиръ, и Рокъ Оли Поль 3-го итальянскаго пѣхотнаго полка и подпоручики: баварецъ Шмицъ и Илемаль Жакъ, при нихъ нижнихъ чиновъ 3; *въ Пудожѣ:* капитаны: Понтіе Пьеръ, Фоше Жанъ; поручики: Рудольфъ Жозефъ, Леклеръ Луи; подпоручики Клуе Этьенъ и Феликсъ Роа; нижніе чины трое — мальчикъ Жанъ Ламотъ, Іоганъ Фредерихъ, Борелль Сипріенъ и жена его Борелль Юрсоль; *въ Каргополѣ:* капитанъ: Глаузбенъ Миллеръ Жанъ, поручики: Гофманъ, Шлентерманъ, Теодоръ Карлъ Лай; подпоручики: Коленбургъ Жанъ и Бломъ Андре; адъютанты: Финеръ Жанъ: Жозефъ, Генрихъ Генгардъ, Силамишель; нижнихъ чиновъ французовъ 12 и 1 испанецъ; *въ Повѣнцѣ:* французскихъ оберъ-офицеровъ 5 и при нихъ рядовыхъ два; *въ Олонцѣ:* французскихъ офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ 3. Были ли военноплѣнные и сколько *въ Лодейномъ-полѣ* къ 1 янв. 1814 г. — изъ дѣлъ Губернскаго Правленія не видно, но послѣ 26 января сюда водворенъ былъ адъютантъ генерала Далетра, Дарибо.

Кромѣ указанныхъ выше офицеровъ баварской службы, жившихъ въ Каргополѣ, исчисляются, безъ указанія мѣстожительства, еще слѣдующіе королевскіе баварскіе офицеры: графъ Филиппъ фонъ-Тауфкирхенъ, Михаилъ Эртель, Леонардъ Кнейпъ, Фридрихъ Ахиллесъ, Виммеръ, Іосифъ Деепъ, баронъ Францъ фонъ-Гобель и рядовые: Мерцъ, Мессани, Іосифъ Майеръ, Цахъ, Эйхингеръ, Михель Майеръ, Гросъ и Мартинъ Лохманъ. Вмѣстѣ съ вышскими чинами на положеніи военноплѣнныхъ «подъ присмотромъ» состояли въ Пудожѣ виленскіе мѣщане Якобъ Козловскій и Петръ Агаренновъ, а въ Повѣнцѣ — регистраторъ Сипко и виленскіе же мѣщане Янъ Микуличъ и Якобъ Арлеасъ.

16-го марта 1814 г. прибыла въ Петрозаводскъ изъ Вологды новая большая партія военноплѣнныхъ, состоявшая изъ 250 нижнихъ чиновъ, за присмотромъ Тверского ополченія, 1-го пѣхотнаго казачьяго полка, прапорщика Сумкина съ 42 воинами Тверского ополченія. Изъ 250 человѣкъ 4 были корсиканскіе подданные, а остальные — французскіе, взятые въ плѣнъ въ Вильнѣ, Борисовѣ, Смоленскѣ, Ковнѣ, Мин-

скѣ, Полоцкѣ, Варшавѣ, Эстербургѣ, Кенигсбергѣ, Маріенбургѣ, Потербургѣ, Берлинѣ и др. городахъ. Большинство военноплѣнныхъ были въ возрастѣ 25—30 лѣтъ; по заявленію петрозаводскаго городничаго «партія приведена была въ г. Петрозаводскъ исправно, но на плѣнныхъ одежда и обувь оказались ветхія». 50 человѣкъ изъ партіи остались на жительство въ Петрозаводскѣ, а остальные, получивъ по 18¼ к. суточныхъ, черезъ 10 же дней подъ конвоемъ были отправлены въ уѣздные города Олонецкой губерніи.

По прибытіи военноплѣнныхъ въ назначенные имъ города, городничіе размѣщали ихъ на жительство и «должны были имѣть за поступками плѣнныхъ и поведеніемъ тщательнѣйшее попеченіе». Во исполненіе такого предписанія г. губернатора, городничіе *еженедѣльно* доносили ему: «обстоятъ ли благополучно и не чинятъ ли какихъ дурныхъ поступковъ военноплѣнные во ввѣренныхъ имъ городахъ». По имѣющимся донесеніямъ, вездѣ все обстояло благополучно, и недоразумѣніе вышло только въ Олонцѣ. Здѣшняго городничаго «неоднократно утруждалъ» военноплѣнный французскій офицеръ Пью Пьеръ, черезъ переводчика, варшавскаго уроженца Ангельскаго, неправильно требовавшій себѣ кормовыя деньги, уже полученныя имъ ранѣе.

Что касается содержанія военноплѣнныхъ, то генералъ Делетръ получалъ ежедневно 3 р. 30 к., офицеры — по 50 коп., а нижніе чины всѣхъ народностей по 5 коп. и только жившій въ Каргополѣ «гишпанецъ» — по 15 коп. Кромѣ этихъ порціонныхъ денегъ, нижніе чины получали еще ежемѣсячно каждый на провіантъ: муки ржаной по 1 п. 32½ ф. по цѣнѣ 1 р. 50 к. за пудъ и крупы ячной по 7½ фунт. по справочной цѣнѣ 2 рубля 65 коп. за пудъ. Въ общемъ, содержаніе, напримѣръ, каргопольскихъ военноплѣнныхъ за январь 1814 года обошлось въ 989 рублей 5¼ коп., включая сюда и деньги на одежду—по 100 руб. на каждаго изъ восьми офицеровъ. Положеніемъ Комитета Министровъ предоставлено было употреблять военноплѣнныхъ нижнихъ чиновъ, по желанію ихъ, въ работу на фабрикахъ и заводахъ съ производствомъ обыкновенной платы или содержанія, каковое получали прочіе работники мастеровые. Вслѣдствіе этого Олонецкій губернаторъ въ мартѣ 1814 г. предписывалъ, напримѣръ, каргопольскому городничему объявить жителямъ г. Каргополя «несогласится ли кто-либо взять себѣ военноплѣнныхъ въ услуженіе и работу и, если таковые найдутся, то взять съ нихъ подписки въ исправномъ содержаніи воен-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
511772

нопл'Ѣнныхъ, а отпускъ послѣднимъ казенныхъ денегъ на содержаніе прекратить съ того времени, какъ они поступятъ къ кому-либо въ услуженіе и работу». Обращался также В. Ѳ. Мертенсъ къ начальнику Олонецкихъ заводовъ съ предложеніемъ взять какое-либо количество военноплѣнныхъ на Петрозаводскій Александровскій пушечный заводъ. Начальникъ заводовъ отвѣтилъ согласіемъ, и изъ 55 петрозаводскихъ военноплѣнныхъ 39 зачислены были заводскими дровосѣками, а сержантъ Порсо Жанъ Луи былъ оставленъ въ заводѣ «для мастерства».

Изъ дѣлъ Губернскаго Правленія не видно, чтобы гдѣ-либо военноплѣнные доставляли непріятности и хлопоты обывателямъ, но начальству и гражданскому и военному хлопотъ съ ними было достаточно, главнымъ образомъ при частыхъ перемѣщеніяхъ военноплѣнныхъ на новыя отдаленныя мѣстожительства. При этомъ приходилось «оказывать всякое вспомоществованіе» военноплѣннымъ и другихъ губерній, напримѣръ, слѣдовавшимъ въ Архангельскъ въ 1812 г. и—изъ Архангельска въ Ригу въ январѣ 1814 г. Въ Ригу вели черезъ Олонецкую губернію 24 оберъ-офицера и 72 нижнихъ чина разныхъ націй. Изъ Олонецкой губ. въ Ригу же были препровождены 6 военноплѣнныхъ вестфальскихъ офицеровъ дворянскимъ засѣдателемъ Олонецкой палаты гражданскаго суда Иваномъ Киселевымъ и 9 баварскихъ офицеровъ и 8 нижнихъ чиновъ—дворянскимъ засѣдателемъ Олонецкой палаты уголовнаго суда Нееловымъ. Водворенный въ Петрозаводскѣ военноплѣнный генералъ, баронъ Делетръ, тоже недолго жилъ здѣсь: Петербургскій главнокомандующій сообщилъ Олонецкому губернатору о Высочайшемъ соизволеніи на его переѣздъ на жительство въ С.-Петербургъ, куда онъ 18 янв. 1814 г. и препровожденъ былъ колежск. секретаремъ Казанцевымъ. Вмѣстѣ съ генераломъ уѣхалъ въ С.-Петербургъ и его адъютантъ Дарибо, не имѣя однако на отъѣздъ соизволенія Государя; по этой причинѣ Дарибо рѣшено было вернуть на жительство въ Петрозаводскъ, и только «во уваженіе просьбы генерала Делетра» адъютанта Дарибо препроводили въ Петрозаводскъ къ В. Ѳ. Мертенсу затѣмъ, чтобы онъ далъ приказъ объ отправленіи Дарибо на жительство въ Лодейное-поле.

Кромѣ вышеизложенныхъ обязанностей по отношенію къ военноплѣннымъ, начальство, по предписаніямъ изъ Петербурга, обязано было наводить справки у содержавшихся по городамъ военноплѣнныхъ о многихъ офицерахъ и нижнихъ чинахъ наполеоновскихъ войскъ, пропав-

шихъ безъ вѣсти и розыскивавшихся ихъ родными. Однако, среди многихъ рапортовъ городничихъ губернатору по этому поводу нѣтъ ни одного съ положительнымъ отвѣтомъ: только и читаешь, что «военноплѣнные были спрашиваемы и о розыскиваемыхъ ничего не знаютъ».

Тяжела была жизнь военноплѣнныхъ: оторванность отъ родины и тоска по ней, суровый для нихъ климатъ Олонецкаго края, скудное пропитаніе давали себя знать, особенно нижнимъ чинамъ; и не кажется удивительнымъ, что изъ 55 военноплѣнныхъ нижнихъ чиновъ въ Петрозаводскомъ лазаретѣ показано 15. Военноплѣнные помышляли, конечно, о скорѣйшемъ возвращеніи на родину, но въ 1814 году это счастье выпало только на долю капитана Виллемерейля. О желаніи принять подданство Россіи заявилъ лишь одинъ плѣнный, баденской службы унтеръ-офицеръ Іосифъ Косвинъ; въ случаѣ принятія въ подданство, онъ просилъ записать его въ мѣщане города Вытегры. Недалекъ былъ, впрочемъ, отъ возбужденія подобнаго же ходатайства, и проживавшій въ Пудожѣ военноплѣнный французъ Борелль Спиріенъ. О немъ городничій Ксиландеръ 17 марта 1814 г. донесъ губернатору Мартенсу, что «жена Борелля, находящаяся при немъ, Юрсоль, марта 13 числа родила дочь и наречено имя Дарья, которая *по желанію ихъ* приведена по обряду въ россійскую крещеную вѣру 15-го марта».

Кончилась великая отечественная война. Низложенъ былъ гордый и кичливый властелинъ Наполеонъ—его сослали въ заточеніе. Мало по малу излечивались тяжелыя раны Россіи, получившей первенствующее мѣсто въ политическомъ мірѣ за спасеніе народовъ.

Освобожденные народы благословляли имя Императора Александра Перваго. Прекрасно выказался здѣсь характеръ Императора, получившаго блестящіе лавры побѣдъ: въ память окончанія войны, на той медали, которою были украшены всѣ защитники отечества, не исключая и Государя, повелѣно было начертать: «Не намъ, не намъ, а имени твоему». Отличительныя черты характера Императора Александра Перваго оставались: глубокая благодарная вѣра въ Бога, чрезмѣрная доброта, гуманность и скромность съ подчиненными. Все это воочію пришлось видѣть Олончанамъ и во время путешествія по ней Императора Александра Павловича въ 1819 году. Тогда пароходовъ еще не было у насъ; путь изъ столицы въ Архангельскъ, а оттуда въ Финляндію чрезъ Олонецкую губернію, свыше 3000 верстъ пришлось совершить въ экипажахъ на лошадяхъ. Вездѣ, гдѣ бы ни останавливался Государь, въ памяти

Олончанъ сохранилось что либо достопримѣчательное. Не могу удержаться чтобы не передать подробно всего того, что записано о путешествіи Государя Александра Павловича въ лѣтописяхъ Олонецкаго края. *)

По заблаговременному маршруту Государь выѣхалъ изъ Петербурга 23 іюля 1819 года. 24 Іюля, въ 6-мъ часу утра Его Величество прибылъ въ городъ Лодейное-Поле. Тогда населеніе города состояло изъ 370 человѣкъ; не было нынѣшняго прекраснаго каменнаго собора, была только одна деревянная церковь. Дома обывателей казались лачугами и если бы не были постройки здѣсь корабельной верфи, то трудно было бы признать, что тутъ городъ. Лавокъ было всего двѣ и онѣ обслуживали всѣ самыя незатѣйливыя потребности города.

Корабельная верфь въ Лодейномъ Полѣ основана была Императоромъ Петромъ Великимъ и отъ слова *ладья* получилъ названіе свое и самъ городъ. По близости мѣста нынѣшняго собора, на землѣ, принадлежащей верфи, стояла построенная Петромъ Великимъ церковь, разобранная потомъ за ветхостью въ 1766 году. Около этой церкви Великимъ Государемъ были насажены сосны, сохранившіяся до настоящаго времени и давно уже образующія какъ бы своды надъ мѣстомъ, гдѣ была церковь.

Верфь существовала все XVIII-ое столѣтіе и до 30-го года прошлаго. Постройка на ней судовъ прекращалась и возобновлялась нѣсколько разъ, смотря по нуждамъ морскаго вѣдомства. Въ послѣдній разъ она оставалась безъ дѣйствія и безъ начальства съ первыхъ годовъ прошлаго столѣтія до 1816 года. Возобновленіе постройки на ней судовъ было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. Большая часть линейныхъ кораблей и прочихъ судовъ нашего Балтійскаго флота, бывшая до 1810 года въ Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ адмирала Сенявина, не возвратилась въ Россію, а, во время разрыва съ Англіею, была сдана въ англійскіе порты на сохраненіе и тамъ сгнила. Государь Александръ Павловичъ, будучи этимъ недоволенъ, не желалъ возобновлять постройки линейныхъ кораблей; почему морское министерство обратилось тогда къ постройкѣ маломѣрныхъ военныхъ

*) Предпринимая путешествіе, Государь выразилъ Высочайшую волю въ слѣдующемъ: 1) чтобы дороги, мосты и переправы по всему тракту были приведены въ наилучшее состояніе; 2) чтобы никакихъ встрѣчъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не дѣлать и земскимъ исправникамъ Государя Императора не провожать и 3) богатыхъ и цѣнныхъ блюдъ Его Величеству не подносить.

судовъ. По малой осадкѣ своей въ водѣ, безъ вооруженія, небольшія суда могли строиться въ Лодейномъ Полѣ, гдѣ къ этому и лѣсъ обходился дешевле. Кромѣ того, по случаю малаго тогда вниманія къ военному флоту, министерство обратилось къ снаряженію ученыхъ, морскихъ, кругосвѣтныхъ экспедицій и для этого воспользовалось постройкою малыхъ судовъ—шлюповъ, гемамовъ, транспортовъ, и пр. въ Лодейномъ Полѣ, потому что суда эти съ фрегатнымъ и бричнымъ вооруженіемъ, могли удовлетворять цѣли морскихъ ученыхъ экспедицій. Такимъ образомъ, нѣкоторыя суда, построенныя на Лодейнопольской верфи, съ 1816 года, вмѣстѣ съ другими подобными же, послужили для плаванія ученыхъ экспедицій къ южному и сѣверному полюсамъ, или, какъ было сказано: «для мирныхъ и благонамѣренныхъ открытій на востокъ»,—подъ начальствомъ капитановъ Белинсгаузена и Васильева, причемъ фраза эта дала названія самимъ судамъ: «Мирный», «Благонамѣренный», «Открытіе», «Востокъ».

Въ 1816 году, для возобновленія и управленія Лодейнопольской верфи, прибылъ въ городъ капитанъ 1 ранга Нордштейнъ и съ нимъ корабельный мастеръ, помощникъ послѣдняго, штабъ-лекарь, штурманъ, шкипера, все больничное устройство, адмиралтейскія, корабельныя команды разнаго рода мастеровыхъ, отрядъ матросовъ съ штабъ-офицеромъ и нѣсколькими оберъ-офицерами. Прибывшіе нашли на верфи только три жилыхъ дома, но вскорѣ же были построены большія зданія: казармы для нижнихъ чиновъ; лазаретъ, чертежная, на полу которой вычерчивались корпусы мореходныхъ судовъ, въ натуральную ихъ величину, для снятія съ этихъ чертежей лекалъ и обтески по послѣднимъ различныхъ частей строившихся судовъ; также разныя мастерскія помѣщенія—смольни, кузницы, паровыя камеры для сушки бревенъ и вообще дерева, магазины для разныхъ матеріаловъ и пр. Разведены были огороды для нижнихъ чиновъ, огороды и сады при офицерскихъ домахъ. Тогда же была насажена существующая донынѣ рощица, при домѣ начальника верфи.

Начальникъ корабельной верфи, капитанъ I-го ранга Нордштейнъ, заранѣе извѣщенный о времени пріѣзда Его Величества въ Лодейное-Поле, очистилъ занимаемый имъ съ семействомъ домъ и недоумѣвалъ только, не должно ли вынести и какую-нибудь мебель; но кто то изъ царской прислуги, прибывшей заранѣе, осмотрѣлъ комнаты, сказалъ, что не нужно ни малѣйшаго измѣненія ни въ чемъ, лишь бы вездѣ было чисто и приготовлено, что нужно, для умыванія, также кислое мо-

локо или простокваша и все необходимое для чая, съ самымъ легкимъ завтракомъ, и только. Все было исполнено въ точности: въ спальнѣ остались и туалетъ, и кровати; для умыванія все было приготовлено въ сосѣдней комнатѣ. Стѣны гостиной были увѣшаны кругомъ, сплошь въ два ряда, гравированными и литографированными, въ рамкахъ подъ стеклами, портретами Императорской фамиліи и генераловъ, преимущественно отличившихся въ 1812, 13 и 14 г.г., и флота адмираловъ.

Въ этомъ домѣ изволилъ остановиться Государь, по пріѣздѣ въ Лодейное-Поле. Когда Его Величество былъ уже готовъ для пріема, кто то изъ прислуги передалъ г. Нордштейну, чтобы онъ шелъ въ комнаты къ Государю безъ особаго доклада. Нордштейнъ прошелъ тихо, такъ что Его Величество, не слыша его шаговъ, нѣсколько времени въ его присутствіи разсматривалъ портреты генераловъ, особенно долго, задумавшись, стоялъ предъ портретомъ князя Кутузова-Смоленскаго. Наконецъ, увидавъ начальника верфи, Государь обратился къ нему, говорилъ съ нимъ очень милостиво и потомъ, въ сопровожденіи его, отправился осматривать всѣ устройства верфи и адмиралтейства. Войдя во внутренній адмиралтейскій дворъ, гдѣ были расположены элинги съ строющимися на стапеляхъ судами, Его Величество, окинувъ все кругомъ однимъ взглядомъ, изволилъ сказать: «Очень приглядно».

На сколько простъ и внимателенъ былъ Государь Александръ Павловичъ съ хозяевами тѣхъ обиталищъ, гдѣ ему приходилось дѣлать остановки, это очевиднѣе всего сказалось здѣсь, въ Лодейномъ-Полѣ. По осмотрѣ города и верфи, возвратившись въ квартиру начальника верфи, Государь изъявилъ желаніе видѣть хозяйку дома и начальникъ верфи представилъ ему свою жену, у крыльца, при выходѣ Его Величества изъ дома. Александръ Павловичъ сперва извинился передъ ней за причиненное безпокойство, что она должна была выбраться изъ дома; потомъ, вступивъ съ ней въ милостивый разговоръ, между прочимъ, спросилъ, откуда она уроженка. Услышавъ же, что она родилась въ Архангельскѣ и что тамъ были въ то время ея родные, а именно женатый братъ, Его Величество сказалъ, что онъ не забудетъ передать ея роднымъ поклонъ отъ нея. Повторивъ свои извиненія, Государь поцѣловалъ руку хозяйки. Будучи въ Архангельскѣ, Его Величество не забылъ даннаго обѣщанія и, встрѣтивъ на балу сестру брата г-жи Нордштейнъ, г-жу Латышеву, танцевалъ съ нею и передалъ поклонъ отъ ея Лодейнопольской родственницы. Чрезъ нѣсколько времени, вслѣдствіе милостиваго Высочайшаго осмотра верфи и адмиралтейства, капитанъ 1-го ранга Норд-

штейнъ удостоился получить орденъ Св. Анны 2-й степени, на шею, награду, имѣвшую въ то время не малое значеніе, такъ какъ для всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ существовалъ одинъ только этотъ орденъ и, слѣдовательно, давался рѣдко, а другой орденъ Св. Владиміра, давался еще рѣже и почти всегда чрезъ Орденскую думу. Жена начальника верфи получила отъ Государя въ подарокъ дорогой фермуаръ съ большимъ изумрудомъ.

Изъ Лодейнаго-Поля Его Величество изволилъ предпринять поѣздку въ Александро-Свирскій монастырь, куда отправился въ своей коляскѣ. Государь избѣгалъ встрѣчъ народа и поэтому не было ничего извѣстно, что состоится поѣздка въ монастырь; народъ, собравшійся въ городъ изъ окрестныхъ селеній, не зналъ, куда поѣдетъ Государь, и когда экипажъ повернулъ на дорогу къ перевозу чрезъ рѣку Свирь у дер. Каномы, толпа бросилась бѣжать за нимъ. Въ Каномѣ оставались у перевоза нѣсколько женщинъ, которыя приняли Государя за обыкновеннаго проѣзжаго и, перевозя его на паромѣ, свободно съ нимъ разговаривали и смѣялись. Но лишь только паромъ достигъ половины рѣки, какъ съ каномскаго берега раздались восторженные крики «ура»— это была толпа, бѣжавшая изъ города по слѣдамъ Государя. Бѣдныя перевозчицы не на шутку испугались, но благодушный Александръ Павловичъ успокоилъ ихъ и наградилъ за перевозъ бѣлой ассигнаціей. Разсказываютъ еще другой характерный случай. Мѣстный исправникъ, услышавъ, что Государь куда-то изволитъ ѣхать въ своемъ экипажѣ, хотѣлъ ускакать впереди, но когда подали коляску для монарха, то полковникъ Соломка, вышелъ на крыльцо, запретивъ исправнику ѣхать. Раздумье взяло исправника, а можетъ быть и опасеніе, не вышло бы для него какой либо непріятности. Когда экипажъ повернулъ на Каному, стала ясна цѣль поѣздки, и исправникъ, желая предупредить прибытіе Его Величества къ перевозу, полетѣлъ было по другому ближайшему пути, но былъ остановленъ, по приказанію Соломки, который арестовалъ его, отобравъ шпагу.

Въ Свирскую обитель, находящуюся въ 16-ти верстахъ отъ гор. Лодейнаго-Поля, монархъ прибылъ въ 8 мъ часовъ утра 24-го іюля. Посѣщеніе было нечаянное и Государя встрѣтилъ у воротъ одинъ только настоятель, архимандритъ Парѳеній II-й, безъ всякой церемоніи, и провелъ Его Величество въ Преображенскій соборъ, гдѣ почиваютъ мощи преподобнаго Александра Свирскаго; здѣсь отслужилъ соборне,

молебенъ угоднику Божію, по окончаніи котораго Благочестивый Путникъ приложился ко кресту и мощамъ и принялъ поднесенную настоятелемъ икону преподобнаго Александра. По выходѣ изъ собора, монархъ изволилъ посѣтить настоятельскія келіи, гдѣ благосклонно разговаривалъ съ архимандритомъ, распрашивая его о состояніи монастыря и монашествующихъ, о числѣ церквей, о томъ, кто положилъ основаніе обители, сколько времени монастырь существуетъ и сколько въ здѣшнемъ училищѣ учениковъ. На отвѣты настоятеля Его Величество выразилъ особенное свое удовольствіе и велѣлъ представить братію, которую такъ милостиво и снисходительно принялъ, что у каждаго іеромонаха испросилъ благословеніе съ цѣлованіемъ руки. Проходя мимо братіи, стоявшей въ настоятельской келіи рядомъ, Государь обратилъ вниманіе на іеродіакона и, остановившись, спросилъ: «Ты—Тюрикъ». —«Точно такъ, Ваше Величество»,—отвѣчалъ тотъ. Давно ли въ монахахъ».—«Сряду по отставкѣ, Ваше Величество».—«Ну вотъ,—присовокупилъ Императоръ:—храбрый ты воинъ былъ на службѣ отечеству земному,—теперь вижу, что ты и для небеснаго отечества подвизаешься усердно». Обратясь къ настоятелю, монархъ прибавилъ: «Онъ служилъ въ Преображенскомъ полку,—я узналъ его». Простившись съ братіею и проходя по монастырскому двору, Государь изволилъ разговаривать съ настоятелемъ о пріятномъ мѣстоположеніи обители, прибавивъ, что и комнаты ему понравились. По желанію Его Величества, настоятель съ братіею проводили его за Св. ворота, безъ всякой церемоніи.

Возвратившись изъ монастыря въ Лодейное-Поле, Государь останавливался, на короткое время, также въ квартирѣ начальника корабельной верфи Нордштейна. Здѣсь представлены были Императору горожане и поднесли живого осетра, пойманнаго въ рѣкѣ Свири, около деревни Гнильно, но монархъ отказался отъ принятія, сказавъ, что кухня его впереди, и, поблагодаривъ за усердіе, приказалъ скушать за его здоровье. Городской голова подалъ Его Величеству просьбу о причисленіи къ городу ближайшихъ селеній Каномы и Мирошкиницъ, такъ какъ городъ, по малочисленности жителей, своими средствами существовать не можетъ; находящаяся въ думѣ переписка по этому предмету остается какъ бы незаконченною. Неизвѣстно, какое послѣдовало распоряженіе по просьбѣ городскаго головы, но въ 1825 году, Высочайше утвержденнымъ 17-го января положеніемъ комитета министровъ, назначено производить въ пособіе городу Лодейному-Полю изъ земскихъ

сборовъ по 1000 р. ассигнаціями въ годъ; пособіе это отпускается и въ настоящее время. Лодейнопольскіе граждане, благословляя память Императора Александра I-го, считаютъ назначеніе этого пособія послѣдствіемъ пребыванія въ ихъ городѣ Его Величества. Выѣзжая изъ Лодейнаго-Поля монархъ выразилъ гражданамъ свое удовольствіе и остался доволенъ мѣстоположеніемъ города.

На первой станціи отъ города, въ д. Яндебѣ (въ 35 в.), Императоръ изволилъ обѣдать и потомъ отдыхать два часа. Домъ, въ которомъ Его Величество останавливался, теперь уже не существуетъ; извѣстно только, что это была курная изба крестьянина Сукина, и что рядомъ съ нею такая же изба отведена была для кухни. Домохозяину Сукину монархъ пожаловалъ 100 рублей.

На станціи въ Юксовичахъ, которая прежде была на высокой горѣ, гдѣ нынѣ домъ лѣсничаго, по разсказамъ старожиловъ, коляску царскую спускали съ горы на веревкѣ, продѣтой за дрожины (рессоры), концы веревокъ сдерживали по десяти человѣкъ. Государь при этомъ спросилъ крестьянъ: «Не тяжело ли вамъ будетъ, мужички» и получилъ въ отвѣтъ: «на головахъ спустимъ».

24 іюля въ 3 часа по полудни, Императоръ, прибывъ въ сел. Ошту, посѣтилъ мѣстную церковь, гдѣ былъ встрѣченъ духовенствомъ и жителями погоста, которымъ выразилъ Свою благодарность.

Въ предѣлахъ Вытегорскаго уѣзда, при проѣздѣ чрезъ Кондушскій приходъ (34 вер. отъ Ошты), раннимъ утромъ 25-го іюля, многочисленная толпа народа, собравшагося еще наканунѣ, привѣтствовала монарха криками «ура». Духовенство встрѣтило его съ хоругвями и св. крестомъ, при колокольномъ звонѣ. Приложившись ко кресту, Государь вошелъ во храмъ, выслушалъ краткій молебенъ и удостоилъ духовенство своими вопросами о построеніи мѣстной церкви. Когда духовные отвѣчали тихо, монархъ, желая ободрить ихъ, сказалъ: «Говорите громче—разсказъ интересенъ». Кондушская церковь была сооружена при щедрыхъ приношеніяхъ Императора Петра Великаго и Царицы Прасковьи Ѳеодоровны: Петръ 1-й пожертвовалъ на постройку храма связовое желѣзо, а августѣйшая невѣстка его—ризы, вышитыя золотомъ и шелками, собственноручной работы. Серебрянный потиръ сдѣланъ, по преданію, изъ царскаго кубка, пожертвованнаго также Петромъ Великимъ. Всѣ эти вещи Александръ Павловичъ изволилъ разсматривать,

говоря съ духовенствомъ; при этомъ былъ представленъ Государю потомокъ строителя церкви, крестьянинъ Иванъ Моисѣевъ Дьяконовъ, прадѣдъ котораго, дьячекъ Иванъ Ивановъ — строитель церкви, имѣлъ счастіе обратить благочестивое вниманіе Императора Петра Великаго на этотъ вновь строившійся и первый тогда въ здѣшней сторонѣ каменный храмъ. Надобно полагать, что дьячекъ Иванъ Ивановъ успѣлъ снискать и лично къ себѣ расположеніе Петра 1-го: дочь его взята была ко двору, жила при царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ и ѣздила съ нею на богомолья; она была искусная рукодѣльница. Получивъ благословеніе священника и поблагодаривъ за интересный разсказъ, Августѣйшій путникъ отправился далѣе.

Въ г. Вытегру Его Величество прибылъ 25-го іюля въ 9 часовъ по полуночи, и былъ встрѣченъ жителями, ожидавшими его съ ранняго утра. Посѣтивъ мѣстный соборный храмъ и принявъ отъ гражданъ хлѣбъ-соль, отправился на короткое время въ назначенный для его пребыванія домъ купца Шалапанова, лучшій тогда въ городѣ. Предъ домомъ собрался народъ; монархъ три раза выходилъ на балконъ, раскланиваясь съ народомъ, привѣтствовавшимъ его громкими криками «ура».

Въ 11 часовъ утра, Императоръ выѣхалъ изъ Вытегры и на пути изволилъ осмотрѣть нѣсколько шлюзовъ Маріинскаго воднаго пути; на шлюзѣ Св. Наталіи пробылъ довольно долгое время при пропускѣ судовъ, послѣ чего пожаловалъ въ награду шлюзъ-вахтеру Дмитрію Сергѣеву 100 руб. и піонерамъ, бывшимъ при шлюзѣ, также 100 руб. Отправляясь въ дальнѣйшій путь, Его Величество изволилъ приказать состоявшему въ должности генералъ-инспектора, члену путей сообщенія и начальнику II-го округа, инженеръ-генералъ-маіору Саблукову остаться въ Вытегрѣ до возвращенія его изъ Архангельска, ибо хотѣлъ осмотрѣть еще нѣкоторыя части Маріинскаго пути и быть на работахъ Онежскаго канала.

Вечеромъ 25-го іюля Императоръ прибылъ на Чуриловскую станцію (въ 177 вер. отъ гор. Вытегры), гдѣ былъ назначенъ ночлегъ въ домѣ крестьянина Химова; для князя Волконскаго со свитой квартира была отведена въ домѣ крестьянина Калистратова. На другой день Государь, позвалъ хозяина и хозяйку Химовыхъ, спросилъ: «велико-ли семейство и чѣмъ занимаются». Химовъ отвѣчалъ: «два сына; одинъ при себѣ, а другой живетъ въ Питерѣ, въ работѣ; занимаемся хлѣбо-

пашествомъ». За ночлегъ монархъ изволилъ пожаловать Химову 200 р. Предъ самымъ отъѣздомъ пришло въ избу до десяти дѣвочекъ съ земляникою на тарелкахъ, которую онѣ поднесли Государю; каждой изъ нихъ Его Величество пожаловалъ по 10 руб.

На Лекшморѣцкой станціи (въ 36 вер. отъ Чурилова), при перемѣнѣ лошадей монархъ соизволилъ милостиво говорить съ собравшимся сюда изъ окрестностей народомъ, распрашивая объ урожаѣ хлѣба, о сѣнокосѣ, о различіи наряда у женщинъ и дѣвицъ, причемъ осматривалъ у нихъ и самые наряды. Потомъ, въ сопровожденіи волостнаго головы и народа, прошелъ пѣшкомъ до находящейся невдалекѣ отъ станціи приходской церкви, у которой встрѣтили его мѣстный священникъ Іоаннъ Алексѣевъ и духовенство ближайшихъ приходовъ, со Св. Крестомъ и водою. Приложившись ко кресту, царственный путникъ вошелъ въ церковь; выслушавъ краткій молебенъ и, осмотрѣвъ храмъ, отправился въ путь.

26-го іюля, во 2 часу по полудни, Его Величество, прибывъ въ гор. Каргополь, проѣхалъ прямо къ соборной церкви, у которой, среди собравшагося во множествѣ народа, при колокольномъ звонѣ, былъ встрѣченъ духовенствомъ съ крестомъ и св. водою Въ соборѣ Государь слушалъ молебствіе, по окончаніи котораго изволилъ отправиться пѣшкомъ по площади. въ сопровожденіи народа, въ домъ купца Алексѣя Андреевича Вешнякова, назначенный для Высочайшаго пребыванія. Народная толпа была такъ многочисленна, что отъ собора до квартиры (около 100 саж.) составились двѣ живыя стѣны, между коими проходилъ Благословенный, съ княземъ Волконскимъ, со всѣхъ сторонъ привѣтствуемый одушевленными криками. День былъ теплый, прекрасный. Купецъ Вешняковъ встрѣтилъ Государя у воротъ своего дома, сестра и невѣстка его—на нижней площадкѣ крыльца. Семейство Вешнякова было большое, но всѣ члены его жили въ разныхъ мѣстахъ, а жена его въ то время находилась въ гор. Вытегрѣ, на своей родинѣ. Проходя мимо встрѣчавшихъ женщинъ, монархъ имъ сдѣлалъ подъ козырекъ, но шелъ, не останавливаясь, очень скоро, поддерживаемый подъ руку Вешняковымъ. Поднявшись во второй этажъ, Государь вошелъ въ покои, для него назначенные, запирая за собою всѣ двери. Пробывъ нѣсколько времени въ спальнѣ, вышелъ въ залъ и вступилъ въ разговоръ съ Алексѣемъ Андреевичемъ, разспрашивая: каково каргопольское общество, велико-ли, много-ли капиталовъ, какого рода главная промышленность. Отвѣчая на

каждый вопросъ, Вешняковъ, въ слѣдующихъ словахъ отозвался о промышленности: «купцы занимаются поставкою льна въ С.-Петербургъ, для англійской компаніи; ѣздятъ на ярмарки къ Макарью (Нижній-Новгородъ) и въ Ирбитъ, гдѣ производятъ заготовку разнаго пушнаго товара, который потомъ отвозятъ въ столицу, оставляя только бѣлку, изъ нея въ Каргополѣ выдѣлываютъ мѣха, которые отвозятъ потомъ или въ Петербургъ, или къ Макарью». Разговаривая съ Государемъ, Алексѣй Андреевичъ былъ блѣденъ, голосъ его нѣсколько дрожалъ. Между этимъ разговоромъ, осматривая комнату, Александръ Павловичъ обратилъ вниманіе на висѣвшія на стѣнахъ картины Рубенса. «Вижу, что у васъ есть вкусъ въ картинахъ сказалъ Вешняксву: подлинныя имѣются только у меня, въ Эрмитажѣ и въ академіи художествъ. Я очень люблю произведенія этого мастера». Скоро явился городской голова и поднесъ Его Величеству хлѣбъ-соль; принявъ его ласково, Государь удостоилъ голову нѣсколькими вопросами о городѣ и обществѣ; по уходѣ же головы спросилъ Вешнякова; «вѣрно вы хозяинъ этого дома», и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ». «А если вы хозяинъ дома, такъ мнѣ надобно съ вами познакомиться», и при этомъ поцѣловалъ Алексѣя Андреевича. У послѣдняго мигомъ исчезла блѣдность и выступилъ на лицѣ яркій румянецъ. Обѣ женщины, встрѣчавшія вмѣстѣ съ хозяиномъ Государя, стояли во время разговора поодаль. Оборотившись, Государь указалъ на нихъ Вешнякову рукою и на этотъ знакъ послѣдній отвѣтилъ: Это жена брата моего, моя невѣстка Евдокія Дмитріевна, а это сестра моя, Пелагея Андреевна». Монархъ подошелъ къ нимъ, поцѣловалъ у нихъ обѣихъ руки. Велико было смущеніе женщинъ при такой высокой и неожиданной чести, которою удостоилъ ихъ Благословенный. Пройдя затѣмъ по всѣмъ комнатамъ, Государь возвратился въ спальню. Чрезъ нѣсколько времени камердинеръ его передалъ приказаніе приготовить экипажъ и лошадей, для поѣздки въ мужской Спасо-Каргопольскій монастырь. Были заложены коляска въ пару и дрожки въ одну лошадь. Государь избралъ послѣдній экипажъ. Въ то время, когда Государь сѣлъ на дрожки, произошелъ случай, хотя самъ по себѣ и незначительный, но произведшій большое впечатлѣніе на народъ, сплошныя массы котораго наполняли дворъ, улицу и окна сосѣднихъ домовъ. Лошадь, запряженная въ дрожки, какъ только сѣлъ на нихъ Государь и кучеръ шевельнулъ возжами, начала подниматься на дыбы; народъ, столпившійся по ту сторону, отхлынулъ назадъ, опасаясь, что лошадь бросится, но она опустилась тихо и пошла какъ

слѣдуетъ: «И лошадь то будто знаетъ, что Царя-батюшку везетъ», — говорили въ толпѣ».

По дорогѣ въ монастырь, проѣзжая мимо Валушекъ, Государь обратилъ вниманіе на находящуюся на валу пушку и спросилъ: «Что это за пушка». Сопровождавшіе отвѣчали, что пушка, осталась отъ 1612 года; когда непріятели, бывшіе съ самозванцемъ подъ Москвою, разсѣялись по разнымъ областямъ; значительные отряды ихъ подходили къ Каргополю, но были мужественно отбиты жителями, выдержавшими продолжительную осаду.

Подъѣхавъ къ монастырскому наплавному мосту чрезъ рѣку Онегу, длиною 150 саж., Государь сошелъ съ дрожекъ и, сбросивъ съ себя шинель, пошелъ по мосту пѣшкомъ. Бѣжавшій за дрожками голова одной изъ подгородныхъ волостей, Пайковъ, взявъ съ дрожекъ царскую шинель, пошелъ вслѣдъ за Его Величествомъ. Замѣтивъ это, монархъ спросилъ его: «кто вы». Пайковъ отвѣчалъ, что голова, и что, имѣя состояніе, вмѣстѣ съ каргопольскими купцами, поставляетъ на депо (т. е. для войска) провіантъ. „Всегда ли хорошій провіантъ поставляете», — спросилъ монархъ. «Всегда хорошій, Ваше Величество», — отвѣчалъ Пайковъ. «Ну, а какую награду зато получили». Награды никакой не получалъ, а была объявлена отъ начальства благодарность всѣмъ купцамъ и мнѣ вмѣстѣ съ ними». Поди же на мою квартиру, заключилъ Государь, и вели, по моему приказу, записать свое имя и фамилію. Впослѣдствіи Пайковъ получилъ въ награду суконный кафтанъ *) съ золотыми позументами и кистями.

Сопровождаемый многочисленною народною толпою, при общемъ колокольномъ звонѣ всѣхъ городскихъ и монастырскихъ церквей, Благословенный на другомъ берегу рѣки Онеги встрѣченъ былъ братіею обители съ крестнымъ ходомъ. Настоятель монастыря, выступилъ впередъ со Св. крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ, при приближеніи Государя сталъ на колѣни и хотѣлъ было поклониться до земли, но монархъ не допустилъ, и, поднимая его, сказалъ: «Грѣшишь отче. Не тебѣ, а мнѣ передъ тобою кланяться должно». Перекрестившись, поцѣловалъ крестъ и евангеліе и просилъ проводить въ церковь, осмотрѣлъ ее, а также и весь монастырь.

---

*) Дрожекъ и кафтана у наслѣдниковъ нѣтъ и гдѣ они находятся, неизвѣстно; предполагаютъ, что они за ветхостію изчезли.

Возвратившись изъ обители къ Вешняковымъ, Государь не вошелъ въ домъ, а обратясь къ вышедшимъ на встрѣчу хозяевамъ, изволилъ сказать: «На обратномъ пути изъ Архангельска я буду у васъ на квартирѣ и надѣюсь имѣть удовольствіе тогда еще видѣться съ вами, а теперь прощайте». Экипажи стояли уже на улицѣ, предъ домомъ, совсѣмъ готовые въ дорогу. Его Величество, простившись съ хозяевами, пошелъ со двора. Въ воротахъ стояла купчиха въ богатомъ русскомъ костюмѣ того времени. Проходя мимо ея, Александръ Павловичъ обратилъ вниманіе на ея нарядъ, пристально осмотрѣлъ его и взялъ ее руками за обѣ косички, бережно повернулъ ея голову сначала въ ту, потомъ въ другую сторону и спросилъ: «Это жемчугъ у тебя». «Жемчугъ, Ваше Царское Величество; кокошникъ весь жемчужный», — отвѣтила купчиха. Затѣмъ сѣлъ въ экипажъ и отъѣхавъ недалеко, изволилъ подозвать къ коляскѣ городничаго Пишке, объявилъ, что въ городѣ онъ нашелъ порядокъ и надѣется, что впредь будетъ еще лучше.

Прибывъ на Уствельскую станцію (въ дер. Броневской), Государь соизволилъ ходить въ толпѣ собравшагося здѣсь во множествѣ народа, чтобы всякій могъ его видѣть, и со всѣми милостиво разговаривалъ. Войдя въ почтовый станціонный домъ, престарѣлому смотрителю этой станціи Галберхту приказалъ представить его семейство; спрашивалъ о его службѣ и записалъ имя.

На половинѣ отъ д. Броневской къ Архангельской станціи въ Волосовскомъ приходѣ, при смѣнѣ лошадей, Государь также изволилъ бесѣдовать съ крестьянами. При проѣздѣ отъ Каргополя многія женщины подносили Его Величеству ягоды, за что получали царское «спасибо» и денежные подарки; въ Волосовѣ крестьянка Бѣляева ягоды поднесла въ кокошникѣ и удостоилась монаршей благодарности.

На станціи Архангельской, гдѣ почтовый трактъ пересѣкаетъ рѣка Онега, Его Величество изволилъ выйти изъ экипажа къ перевозу и приказалъ подать небольшую лодку *). Сѣвъ въ лодку съ однимъ греб-

*) Лодка эта долгое время хранилась на возвышенномъ мѣстѣ берега рѣки Онеги при деревни Шелоховской Архангельской волости, у самаго перевоза, подъ особо устроеннымъ навѣсомъ, состоящимъ изъ пятиугольной крыши. Впослѣдствіи все это разрушилось, осталась лишь одна надпись на листовомъ желѣзѣ, прибитомъ къ столбамъ подъ навѣсомъ. На томъ же холмѣ имѣется небольшая часовня, поставленная въ 1904 году и на площади размѣромъ до 15 саж. въ квадратѣ, посажены скороростущія деревья, обнесенныя вокругъ оградою,—все это служитъ вещественнымъ памятникомъ посѣщенія этой мѣстности Императоромъ Александромъ Благословеннымъ.

цомъ и кормовымъ, переѣхалъ на другую сторону рѣки пожаловавъ перевозчику 10 р. и рабочимъ на паромѣ, на которомъ были переправлены экипажи 10 р., да сверхъ того вообще всѣмъ перевозчикамъ 50 рублей. Поговоривъ на станціи съ собравшимся народомъ, Государь пожаловалъ при этомъ унтеръ-офицеру Ленину, служившему въ стрѣлкахъ, 25 руб. и выѣхалъ въ дальнѣйшій путь, напутствуемый радостными народными криками «ура».

Пріѣхавъ на Ѳедовскую станцію, пограничную съ Архангельскою губерніею, въ 11-мъ часу по полудни, Государь имѣлъ здѣсь ночлегъ. Утромъ 27-го числа, Его Величество изволилъ ѣздить въ Устьмошскій погостъ, находящійся въ 3-хъ верстахъ отъ станціи, въ сторону, расположенный при впаденіи въ рѣку Онегу большаго притока ея—рѣки Моши. Отъ Ѳедова Августѣйшій путникъ проѣхалъ въ крестьянской лодкѣ, внизъ по теченію Моши до самаго Устьмошскаго погоста, находящагося на правомъ берегу и окруженнаго множествомъ деревень, извѣстнымъ подъ общимъ именемъ «Устьмоша». По выходѣ на берегъ, Его Величество былъ встрѣченъ мѣстнымъ церковнымъ причтомъ со св. водою и хоругвями. Монархъ заходилъ въ каменную двухъ-этажную церковь, построенную въ 1799 году и отличающуюся отъ всѣхъ церквей Каргопольскаго уѣзда внутреннимъ благолѣпіемъ. Внутренность верхняго храма, въ который ведетъ крутая лѣстница, поражаетъ путника своею обстановкою. Иконы расположены въ три яруса: въ верхнемъ— лики праотцевъ и пророковъ, въ среднемъ – апостоловъ, а въ нижнемъ храмовыя. Образа живописные; почти всѣ иконы нижнаго яруса украшены богатыми окладами изъ серебра и частію жемчуга. Дорогой окладъ на иконѣ Сошествія Святаго Духа устроенъ по случаю посѣщенія Устьмоши Императоромъ Александромъ Павловичемъ, который, отслушавъ божественную литургію и молебенъ, любовался обстановкою храма и пожертвовалъ въ него 500 р. и священно-церковнымъ служителямъ также 500 р. На щедрый царскій даръ Устьмошане соорудили ризу на этотъ главный храмовой образъ. Иконостасъ церковный украшенъ рѣзьбою и позолотою. Въ куполѣ также живописныя изображенія важнѣйшихъ событій изъ исторіи ветхаго и новаго завѣта, въ три ряда, и все это замыкается изображеніемъ Св. Троицы. Внутри нѣтъ ни одной колонны и отъ того храмъ представляется обширнымъ и очень свѣтлымъ. Въ нижнемъ этажѣ также три придѣла, но отъ колоннъ не такъ свѣтло, да и высота гораздо меньше.

Въ 11-ть часовъ утра, Его Величество отправился въ дальнѣйшій путь и вступилъ въ предѣлы Архангельской губерніи.

Высочайшее пребываніе въ Архангельскѣ продолжалось съ 28-го по 31 іюля. Осматривая достопримѣчательности города и среди нихъ нѣкоторыя мѣста, ознаменованныя пребываніемъ Петра Великаго, впечатлительный Государь особенно заинтересовался разсказомъ о героическомъ походѣ Петра I отъ Бѣлаго моря къ Онежскому озеру по кемско-повѣнецкимъ дебрямъ и, какъ видно, сильно увлекся заманчивою мыслью провести нѣсколько дней среди тѣхъ же самыхъ болотъ, лѣсовъ, и топей. Оставляя Архангельскъ, Благословенный обѣщалъ посѣтить его снова черезъ два года съ тѣмъ, чтобы обратный путь совершить по мѣстамъ, гдѣ въ 1702 г. шелъ съ кораблями и войскомъ Великій Петръ. Однако по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ намѣренію Императора не суждено было исполниться. Между тѣмъ приготовлялись къ встрѣчѣ Государя, мѣстной администраціей даже произведено было разслѣдованіе направленія пути ,сдѣлано было самое описаніе пути въ современномъ видѣ и съ указаніемъ, гдѣ что требуется устроить, чтобы путь вышелъ удобопроѣзжимъ.

На обратномъ пути изъ Архангельска, Его Величество пріѣхалъ на Ѳедовскую станцію въ 9-мъ часу утра 3-го августа и, не останавливаясь, проѣхалъ прямо на погостъ, гдѣ отслушалъ литургію; возвратившись въ Ѳедово, изволилъ обѣдать.

Проѣзжая далѣе сухимъ путемъ на Каргополь, Государь Александръ Благословенный обратилъ вниманіе на родникъ у деревни Сысоевой, Богдановской волости и пожертвовалъ 50 рублей на устройство часовни при родникѣ. Нынѣ часовня эта перестроена, въ ней съ незапамятныхъ временъ виситъ картина съ изображеніемъ Императора Александра Перваго.

Въ г. Каргополь Его Величество изволилъ прибыть августа 3-го, около 7-ми или 8-ми часовъ вечера, и подъѣхалъ прямо къ дому Вешнякова*), который встрѣтилъ монарха на площадкѣ, вмѣстѣ съ сестрою

---

*) Домъ Вешнякова пріобрѣтенъ новымъ владѣльцемъ и заново отремонтированъ, съ сохраненіемъ прежняго плана.—Одинъ изъ наслѣдниковъ Вешняковыхъ поселился въ Няндомѣ, при ст. желѣзной дороги, занимается торговлей.

и невѣсткою. Проходя мимо ихъ, Государь спросилъ: «здоровы ли», и, получивъ утвердительный отвѣтъ, быстро удалился въ отведенные ему покои. Самъ Вешняковъ оставался долго съ княземъ Волконскимъ въ нижнемъ этажѣ, а сестра и невѣстка пошли вверхъ. Скоро вышелъ къ нимъ монархъ и, поцѣловавъ у обѣихъ руки, началъ разсказывать, что онъ поѣздкою въ Архангельскъ остался весьма доволенъ — и природою архангельскою, и самимъ народомъ. «Въ Петербургѣ у насъ,— продолжалъ онъ,—теперь весьма жарко и душно, такъ что многія растенія увядаютъ, а въ Архангельскѣ, что за пріятная свѣжесть, что за здоровый воздухъ. Я не думалъ встрѣтить въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ такой природы и такого народа. Мнѣ сказывали прежде, что природа здѣсь скудна, а люди грубы и не образованы, но я замѣтилъ почти противное: воздухъ здоровъ, природа вполнѣ, кажется, вознаграждаетъ человѣка, а что касается жителей, то они развитіемъ своимъ нисколько не уступаютъ прочимъ мѣстностямъ моей имперіи; однимъ словомъ, въѣхавъ въ Олонецкую губернію, я встрѣтилъ совершенно противное тому, что у насъ въ С.-Петербургѣ, или, вѣрнѣе, что сказали мнѣ про Олонецкую губернію». Затѣмъ изволилъ распрашивать обѣихъ женщинъ объ ихъ семействѣ, неоднократно сказавъ: «отвѣчайте громче». Поговоривъ довольно долго, Государь ушелъ въ свои покои. Часа черезъ полтора вышелъ адъютантъ и объявилъ, что Его Величество желаетъ пить съ хозяевами чай, запросто, по домашнему. Лишь только поданъ былъ самоваръ, вышелъ Государь; чайный столъ былъ приготовленъ у окна, подъ которымъ собрался народъ, подмостившись кое какъ, чтобы лучше видѣть царя. Когда просили Его Величество садиться, онъ изволилъ указать сестрѣ Вешнякова мѣсто для наливанія чая, а ея невѣсткѣ напротивъ, самъ же сѣлъ въ срединѣ и спросилъ: «а гдѣ хозяинъ».—«Въ низахъ, у князя Волконскаго»,—отвѣтили ему. Почти въ тоже время пришелъ и Александръ Андреевичъ: Государь показалъ ему мѣсто рядомъ съ собою и во все время, пока пили чай, распрашивалъ у него съ большими подробностями о климатѣ, произведеніяхъ природы, поѣздкахъ на ярмарки и пр. Откушавъ чай, Государь поблагодарилъ хозяекъ и, пожелавъ доброй ночи, удалился въ спальню.

Утромъ 4-го августа, явился къ князю Волконскому купецъ Коносовъ съ просьбою доложить Государю, не будетъ ли благоугодно Его Величеству пожаловать на освѣщеніе вновь устроеннаго имъ, Коносовымъ, Зосимо-Савватіевскаго храма, назначеннаго въ этотъ день. При

докладѣ объ этомъ Волконскимъ, Государь сказалъ ему: «Передай отъ меня благодарность Коносову. Я очень бы радъ исполнить его просьбу, но не могу измѣнить маршрута: освященіе храма пройдетъ быть можетъ до 2 часовъ, а мнѣ къ этому времени далеко уже должно быть».

Была приготовлена утренняя закуска, но Государь сказалъ: «Я не могу теперь кушать ничего, благодарю». Вслѣдъ затѣмъ Его Величество соизволилъ прислать, чрезъ своего адъютанта, подарки хозяевамъ: Вешнякову — перстень, а сестрѣ и невѣсткѣ его — по фермуару. Экипажи были уже поданы; Государь вышелъ въ залу, совсѣмъ готовый въ путь. Хозяева поблагодарили его за подарки и онъ, какъ бы въ отвѣтъ на это, сказалъ прощальное привѣтствіе: «прошу меня любить и помнить, а я очень радъ, что съ вами познакомился», и потомъ, поцѣловалъ у хозяекъ руки, поклонился всѣмъ и вышелъ.

Выѣзжая за городъ, монархъ пожелалъ еще взглянуть на Каргополь и, увидавши Успенскій дѣвичій монастырь (находящійся близъ самаго города), приказалъ заѣхать туда. Въ обители царственный путникъ оставался недолго, потому что тамъ его не ожидали и всѣ были въ чрезвычайномъ разстройствѣ, по случаю бывшаго незадолго предъ тѣмъ пожара. Сама игуменья, завидѣвъ нечаянный царскій пріѣздъ, говорятъ, такъ растерялась, что предстала предъ Государемъ не въ полномъ монашескомъ одѣяніи.

По маршруту, ночлегъ съ 4-го на 5-е августа былъ назначенъ на Бурковской станціи (въ 168 вер. отъ Каргополя), а по разсказамъ старожиловъ, бывшихъ тогда ямщиками, Государь изволилъ ночевать въ Чернослободскомъ приходѣ (не доѣзжая 30-ти вер. до Буркова) въ сельцѣ Антипинѣ (деревня Кузнецова), въ домѣ помѣщика Василья Козьмина, пробывъ здѣсь около сутокъ. Хозяйка дома Анна Ивановна Козьмина обратилась къ Его Величеству съ просьбою о принятіи сына ея Николая въ корпусъ. Просьба была принята; Монархъ соизволилъ выдать на проѣздъ Николая Козьмина въ корпусъ 300 руб., подаривъ матери серебряный фермуаръ. Во время прогулки по почтовому тракту, крестьянская дѣвушка поднесла Государю ягоды и удостоилась получить за это 25 руб. При проѣздѣ мимо мѣстной церкви, Его Величество замѣтилъ шедшаго къ нему на встрѣчу священника Михаила Гаврилова со св. крестомъ, вышелъ изъ кареты и приложился ко кресту, но, не заходя въ храмъ, поѣхалъ дальше.

5-го августа, въ 3 часа по полудни Императоръ прибылъ на Бѣлоручейскую станцію, потомъ въ сел. Девятины (въ 22 вер. отъ гор. Вытегры). Отсюда, осмотрѣвъ нѣсколько шлюзовъ Маріинской водной системы, Государь поѣхалъ чрезъ г. Вытегру и, въ 6-ть часовъ вечера, остановился въ дер. Окуловской, въ 18-ти вер. по большой дорогѣ отъ Вытегры къ Лодейному Полю для осмотра работъ на вновь строившемся тогда Онежскомъ обводномъ каналѣ.

Изъ представленныхъ г. начальникомъ II-го округа путей сообщенія Саблуковымъ трехъ путей для осмотра работъ, Государь Императоръ выбралъ самый полный, на которомъ можно было видѣть большую часть канала. Изъ дер. Окуловской онъ проѣхалъ до канала на дрожкахъ, потомъ путешествовалъ по каналу и работамъ пѣшкомъ $2^{3}/_{4}$ версты и затѣмъ опять на дрожкахъ по теченію рѣки Вытегры до самаго устья ея при Черныхъ Пескахъ, гдѣ изволилъ пить чай. Въ сел. Черные-Пески, на томъ мѣстѣ, гдѣ Благословенный изволилъ пить чай, впослѣдствіи выстроена часовня, съ иконою въ ней св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Отсюда Его Величество выѣхалъ на большую дорогу, гдѣ ожидалъ его дорожный экипажъ.

Въ Кондушскій погостъ Государь прибылъ довольно поздно и хотя было устроено большое освѣщеніе на улицѣ, въ церкви и домахъ, но онъ зашелъ только въ хижину бѣдной вдовы Отрубиной, для переодѣванія, и отправился въ дальнѣйшій путь, подаривъ Отрубовой 25 руб.

Маріинскій каналъ съ шлюзованною частью рѣки Вытегры былъ осмотрѣнъ лично Его Величествомъ, а Онежскій—лейбъ-медикомъ Вилліе. Государю были подаваемы при этомъ различные планы системы.

При отъѣздѣ, а равно и во время осмотра шлюзовъ, Его Величество неоднократно изволилъ изъявлять свое благоволеніе, что и соизволилъ приказать отдать въ приказѣ по округу. Во исполненіе такой Высочайшей воли, генералъ-маіоръ Саблуковъ, 6-го августа, отдалъ слѣдующій приказъ:

«Его Императорское Величество, изволилъ осматривать на пути, во время проѣзда по ввѣренному мнѣ округу, Маріинскій каналъ и производящуюся работу Онежскаго канала, изустно изволилъ изъявить Высочайшее свое удовольствіе за порядокъ и исправность, имъ найденные, и Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать всѣмъ нижнимъ чинамъ—военнослужителямъ и рабочимъ Онежскаго канала по 1 руб. каждому, и изволилъ приказать таковое Его Монаршее благоволеніе отдать въ приказѣ по округу».

Въ сел. Ошту Его Величество прибылъ 5-го августа, въ 12-ть часовъ ночи, имѣлъ ночлегъ въ домѣ мѣстнаго священника Іоанна Іоаннова (Оштинскаго), которому соизволилъ пожаловать золотые карманные часы. На другой день слушалъ въ приходской церкви обѣдню. По приходской церковной книгѣ, за 1819 годъ, въ августѣ мѣсяцѣ, безъ означенія числа, значатся записанными, переданные чрезъ Олонецкаго гражданскаго губернатора Вилліама Ѳедоровича Мертенса, пожертвованные императоромъ Александромъ I-мъ 500 руб.; деньги эти сданы были въ церковь мѣстнымъ священникомъ Іоанномъ Іоанновымъ Оштинскимъ.

Изъ Ошты Его Величество отправился—6-го августа, въ 12-ть часовъ дня, по тракту въ г. Петрозаводскъ, въ экипажахъ, присланныхъ для дальнѣйшаго путешествія изъ Петербурга. По переправѣ чрезъ рѣку Свирь, у Вознесенья, на паромѣ Государь посѣтилъ мѣстную приходскую церковь, слушалъ краткое молебствіе и, приложившись ко кресту, принялъ благословеніе священника. Затѣмъ изволилъ остановиться въ домѣ пономаря Вознесенско-пустынской церкви Андрея Дмитріева и здѣсь обѣдалъ. Разсказываютъ, что князь Волконскій, вѣроятно, вслѣдствіе просьбы Дмитріева, выдалъ ему письменное удостовѣреніе объ этомъ драгоцѣнномъ и радостномъ для церковнаго служителя посѣщеніи; это свидѣтельство какъ-то, впослѣдствіи, затерялось, но память о Благословенномъ свято сохраняется въ потомствѣ Дмитріева. Домъ его, находясь близъ перевозной пристани (гдѣ пристаетъ паромъ), былъ тогда лучшій; онъ существуетъ и теперь. На стѣнѣ, въ рамкѣ, подъ стекломъ, здѣсь находится слѣдующая надпись сдѣланная потомками Дмитріева: «Государь Императоръ Александръ I-й, въ путешествіи Своемъ отъ Архангельска къ Петрозаводску, удостоилъ домъ сей Высочайшаго Своего посѣщенія и соизволилъ откушать, 1819 года августа 6-го дня». Послѣ обѣда царственный гость пожаловалъ дьячку Дмитріеву, изъ собственныхъ рукъ 100 рублей.

У Андрея Дмитріева была дочь Марія, которой исполнилось 7 лѣтъ въ то время, когда Государь посѣтилъ домъ ея отца, въ селѣ Вознесеньѣ. Дочь эта выдана была въ замужество за пономаря сосѣдняго Гиморѣцкаго прихода Ѳедора Ефимова Устьвольскаго, который потомъ перешелъ на службу въ село Вознесенье и жена его считалась наслѣдницей того дома, гдѣ останавливался Императоръ Александръ Благословенный. Отъ брака Маріи Андреевой Дмитріевой съ Ѳедоромъ Уст-

вольскимъ родилась дочь Марія Ѳедорова, вышедшая потомъ въ замужество за череповецкаго мѣщанина Павла Иванова Комякова; ей теперь принадлежитъ упомянутый выше домъ, сохранившійся въ своемъ первоначальномъ видѣ. Домъ этотъ находится на церковной землѣ, арендуемой отъ Вознесенскаго причта за плату 5 руб. въ годъ. Ширина дома 3 саж. 1 арш. 4 вершка, длина 6 саж. 2 арш., при домѣ имѣется пристроенный къ нему вплотную сарай съ хлѣвами длиною 4 саж. 1 арш. и шириною— $2^1/_2$ саж Домъ одно-этажный деревянный, состоящій изъ четырехъ комнатъ, покрытъ толемъ. Подъ домомъ устроены три кладовыя.

Путь отъ Вознесенья до Петрозаводска сопровождался ликованіемъ народа, повсюду встрѣчавшаго съ восторгомъ своего возлюбленнаго Царя. Духовенство напутствовало его со Св. Крестомъ и молебствіями. Отъ всѣхъ священниковъ Императоръ Александръ Павловичъ принималъ благословеніе, показывая этимъ образъ высокаго смиренія. Въ Гиморѣцкомъ приходѣ, находящемся между Щелейками и Рыбьей рѣкой, на станціи, когда Государь вышелъ изъ экипажа, одна женщина подослала подъ ноги Государя холстъ и ставъ на колѣни, просила возвратить изъ военной службы сына, который отданъ былъ въ солдаты за допущенную въ ревизскихъ сказкахъ (онъ былъ сказкоподателемъ) какую то преднамѣренную неправильность, Его Величество изволилъ сказать просительницѣ: «я самъ солдатъ, и потому мнѣ холстъ не нуженъ, запачкаю. Сынъ же твой, когда выслужитъ годы,—воротится домой».

Изъ Рыборѣцкой церкви Государь поѣхалъ на станцію, въ дер. Григорьевскую (нынѣ Житно-Ручей), въ 2-хъ верстахъ отъ церкви. Здѣсь вошелъ въ домъ крестьянина Матвѣя Ѳотіева, осмотрѣлъ всѣ комнаты верхняго этажа и, позвавъ къ себѣ князя Волконскаго, сказалъ: «вотъ какъ живутъ петрозаводскіе крестьяне». Домъ былъ большой, богатый. Его Величество изволилъ распрашивать мѣстныхъ крестьянъ, какъ они живутъ и какъ справляютъ заводскія работы. Мужики отвѣчали, что тяжелы для нихъ заводскія работы. «Сдѣлаю облегченіе»,—сказалъ имъ Государь. Въ домѣ Ѳотіева монархъ кушалъ чай и, поблагодаривъ хозяина, пожаловалъ ему изъ собственныхъ рукъ сколько-то денегъ. Здѣсь крестьянки подносили Его Величеству землянику и малину; отъ каждой онъ изволилъ взять по одной ягодкѣ.

На 14-й верстѣ отъ станціи Шокшинской къ дер. Педасельгѣ (перегонъ 24 версты) поданы были подставныя лошади. Во время перепряжки, одинъ изъ крестьянъ, подойдя къ экипажу, предложилъ мо-

нарху напиться чаю на берегу протекающей здѣсь рѣчки Пухты. Отказавшись, монархъ велѣлъ подать стаканъ чаю князю Волконскому и спросилъ объ имени упомянутаго крестьянина.

Близъ самой дер. Педасельги, у царскаго экипажа ослабли ремни. Благословенный, выйдя изъ экипажа, самъ изволилъ помогать мужикамъ перетягивать ремни. Въ это время одинъ изъ крестьянъ, по неосторожности, наступилъ на ногу Государя; отдернувъ ногу, Александръ Павловичъ сказалъ: «ахъ, мужичекъ, какой у тебя жесткій сапогъ».

Изъ проѣзда Его Величества отъ Вознесенья къ Петрозаводску намъ передавали еще слѣдующій характеристичный случай.

Чиновникъ полиціи (вѣроятно, исправникъ или приставъ правленія Олонецкихъ заводовъ, въ распоряженіи котораго находились тогда горнозаводскіе крестьяне Петрозаводскаго уѣзда, приписанные для работъ къ заводамъ), назначенный для распоряженій по проѣзду Императора, впереди царскаго поѣзда прискакалъ на одну изъ станцій и, удостовѣрившись, что все въ порядкѣ, удалился въ отдаленную и стоявшую въ сторонѣ отъ станціоннаго дома избу. Весь народъ, разумѣется, высыпалъ изъ домовъ къ станціонной квартирѣ, на встрѣчу Царя; только въ избѣ, гдѣ укрылся этотъ тайный блюститель порядка, не имѣвшій возможности показываться на глаза Государю, была старуха, оставленная съ ребенкомъ, котораго качала въ «зыбкѣ» (люлькѣ, привѣшенной къ «очагу»—деревянной жерди, положенной въ привинченное къ потолку желѣзное кольцо). Услышавъ, что Царь пріѣхалъ, она то и дѣло стала вскакивать отъ люльки и глядѣть въ окно. «А что бабка, тебѣ хочется поглядѣть на Государя»,—спросилъ чиновникъ. Какъ не хотѣть, кормилецъ,—отвѣчала она. «Ступай же, я за тебя ребенка покачаю, да приходи скорѣе,—мнѣ нужно выѣхать впередъ», и, положивъ на лавку трехъуголку и подобравъ шпагу, подсѣлъ къ люлькѣ новый «пѣстунъ» (пѣстунъ или пѣстунья—нянька, мальчикъ или дѣвочка) въ мундирѣ, а старуха съ радостью выбѣжала на улицу.

Безъ сомнѣнья многое интересное изъ путешествія Александра Благословеннаго исчезло изъ народныхъ воспоминаній; немногіе очевидцы, бывшіе тогда подъ обаяніемъ царскаго взора, передали своимъ потомкамъ краснорѣчивые разсказы, которые, не будучи въ свое время записанными, забылись.

Жители Петрозаводска, извѣщенные, по слухамъ, еще весною о намѣреніи Императора Александра I посѣтить заводъ, носившій его

имя, съ нетерпѣніемъ ожидали радостнаго дня 6-го августа. Городъ наполнился крестьянами и крестьянками, прибывшими изъ уѣзда, и представлялъ оживленную картину. По словамъ очевидца, старый и малый желали видѣть царя; граждане и поселяне, въ праздничныхъ нарядахъ, наполняли улицы Зарѣцкой стороны и часть почтовой дороги отъ шлагбаума при Троицкой кладбищенской церкви до часовни на горѣ, за версту отъ города. Во главѣ народа ѣхалъ городничій верхомъ на лошади; за нимъ городской голова съ гражданами. Гражданскій губернаторъ Мертенсъ съ чиновниками и духовенство ожидали вѣнценоснаго гостя у Петропавловской церкви, сооруженной Петромъ Великимъ.

Въ 9-ть часовъ вечера, восторженные жители, завидѣвъ на почтовой дорогѣ экипажи, бросились на встрѣчу имъ, но это ѣхали лица, находившіяся въ свитѣ, а самъ Государь остановился въ сел. Деревянномъ, въ 24 вер. отъ города. Скоро раздался колокольный звонъ, возвѣстившій близость Благословеннаго и, казалось, вызвавшій ему на встрѣчу остальное городское населеніе. На дорогѣ показались экипажи —это былъ поѣздъ Государя со свитою, которую составляли: генералъ-адъютантъ П. М. Волконскій, статсъ-секретарь Н. Н. Муравьевъ, лейбъ-медикъ Я. И. Вилліе и оберъ-вагенмейстеръ полковникъ Соломка. Народъ встрѣтилъ Государя съ выраженіемъ самой восторженной радости, съ громкими криками «ура». У шлагбаума, гдѣ стоялъ военный караулъ, городничій подалъ Его Величеству всеподданнѣйшій рапортъ о благополучномъ состояніи города; во время минутной остановки экипажа, снова загремѣло народное «ура». Императоръ, въ мундирѣ лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка, сидѣлъ съ княземъ Волконскимъ въ открытыхъ дрожкахъ; въ другихъ экипажахъ ѣхали остальные члены свиты. Принявъ рапортъ городничаго, Государь приказалъ ѣхать къ собору, милостиво привѣтствуя народъ, который, въ порывѣ любви и преданности къ Августѣйшему Гостю, не допустилъ везти лошадямъ царскаго экипажа, а ухватившись за него, дотащилъ на рукахъ до самаго собора.

При входѣ въ Петропавловскую церковь, встрѣтилъ Государя гражданскій губернаторъ Мертенсъ съ чиновниками и подалъ рапортъ о состояніи губерніи; духовенство вышло на встрѣчу со св. крестомъ и св. водою. Въ соборѣ протоіерей Ярославлевъ произнесъ краткую привѣтственную рѣчь; затѣмъ отслужено было молебствіе. Приложившись ко кресту и св. иконамъ, Императоръ отправился въ назначенный для него домъ горнаго начальника, отдѣланный къ прибытію Его Величества и

до нынѣ слывущій въ народѣ подъ именемъ дворца, въ память посѣщенія Александра Благословеннаго. Для царской свиты назначены были помѣщенія въ 2-хъ другихъ заводскихъ домахъ. Народныя толпы устремились за экипажемъ, въ которомъ Государь сидѣлъ съ открытою головою, и провожали его до самой квартиры, гдѣ стоялъ почетный офицерскій караулъ. Здѣсь горный начальникъ Олонецкихъ, Кронштадтскаго и С.-Петербургскаго заводовъ, оберъ-бергауптманъ Фуллонъ, прибывшій на это время изъ С.-Петербурга (гдѣ онъ жилъ по дѣламъ тамошнихъ заводовъ), подалъ Его Величеству всеподданнѣйшій рапортъ о благополучномъ состояніи Александровскаго завода, съ приложеніемъ списка чиновниковъ, нижнихъ военныхъ чиновъ и мастеровыхъ. Въ комнатѣ, назначенной для кабинета Государя, были положены на столъ: карта Олонецкой губерніи, планъ г. Петрозаводска, планъ бывшихъ Петровскихъ заводовъ, планъ нынѣшняго Александровскаго завода, чертежи нѣкоторыхъ заводскихъ машинъ и орудій разныхъ калибровъ, съ показаніемъ сравнительной ихъ тяжести, и краткія свѣдѣнія объ Олонецкихъ заводахъ, составленныя оберъ-гиттенфервалтеромъ Лопатинскимъ.

«Мы старые знакомые, — сказалъ Государь Фуллону, входя въ столовую: помнится лѣтъ за десять предъ симъ, мы завтракали на Петербургскомъ заводѣ, вмѣстѣ съ Армстронгомъ и Купоромъ». Осмотрѣвъ кабинетъ и спальню, Александръ Павловичъ спросилъ, съ которой стороны Онежское озеро и изъявилъ желаніе посѣтить заводъ на слѣдующій день.

7-го августа представлялись Его Величеству гражданскій губернаторъ Мертенсъ съ гражданскими чиновниками, баталіонный командиръ со своими офицерами; начальники командъ сухопутной и морской артиллеріи. Городской голова, купецъ Ждановъ, съ почетными гражданами, поднесъ хлѣбъ-соль, милостиво принятые монархомъ.

Въ 12-ть часовъ дня, Государь удостоилъ Высочайшимъ посѣщеніемъ Александровскій пушечный заводъ; онъ былъ тогда одѣтъ въ общемъ кавалерійскомъ мундирѣ. При въѣздѣ Государя въ сѣверныя ворота завода, горный начальникъ Фуллонъ, подавъ всеподданнѣйшій рапортъ о состояніи завода и команды, представилъ чиновъ завода и заводскаго правленія, называя каждаго по фамиліи. Сначала августѣйшій посѣтитель изволилъ войти въ доменный цехъ, гдѣ въ присутствіи его были отлиты двѣ пушки, одна изъ воздушныхъ печей, подъ № 16672, а другая изъ доменныхъ печей, но не изъ пушечныхъ рудъ, собственно

для показанія процесса литья. По осмотрѣ литейныхъ работъ въ подробности, а также дѣйствія цилиндрической воздуходувной машины, находящейся въ доменномъ корпусѣ, Государь былъ въ фабрикахъ рѣзной и сверлильной, откуда по внѣшней сторонѣ завода перешелъ въ паркъ отдѣлываемыхъ снаружи орудій. Здѣсь онъ остановился возлѣ молотоваго мастероваго, который съ большимъ усиліемъ билъ молотомъ по орудію. Взявъ молотъ, монархъ изволилъ собственными руками оковать пространство въ пять квадратныхъ дюймовъ на 24-хъ фунтовомъ орудіи морской артиллеріи, подъ № 16581. Орудіе было оставлено въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ находилось въ эту минуту, а молотъ отнесенъ въ заводское правленіе. Оставивъ паркъ, Государь возвратился на заводскій дворъ и посѣтилъ рѣзную мастерскую, гдѣ отдѣлывались плющильные валы для монетнаго двора, монархъ принялъ участіе въ работахъ, посыпая наждакъ на полировавшійся валъ. Въ молотовой фабрикѣ Государь присутствовалъ при разрѣзаніи раскаленной желѣзной крицы и до конца наблюдалъ всю эту операцію. Видя, что Государь очень близко подошелъ къ огню и могъ получить вредъ, Фуллонъ просилъ его удалиться, но монархъ отвѣчалъ: «я часто бывалъ въ огнѣ». Затѣмъ Его Величествомъ были осмотрѣны: водяной бассейнъ посреди завода, магазинъ отдѣланныхъ вещей, модельная фабрика, литейный цехъ съ воздушными печами, кузнечная, слесарная, и токарная фабрика. Въ машинномъ цехѣ, разсматривая приготовляющуюся паровую машину, монархъ замѣтилъ: «Надѣюсь, что не для употребленія при заводѣ». По подробномъ обозрѣніи всѣхъ безъ исключенія работъ Его Величество, при выѣздѣ изъ завода, изъявилъ Фуллону и всѣмъ его подчиненнымъ Высочайшее свое удовольствіе за благоустройство и порядокъ.

Потомъ Высочайшаго обозрѣнія въ Петрозаводскѣ удостоились. городская тюрьма и городская больница, въ которой преимущественно пользуются военные чины; наконецъ заводскій госпиталь, гдѣ Государь обошелъ всѣ палаты, говорилъ съ больными, пробовалъ ихъ пищу, осматривалъ кровати, и всѣмъ остался доволенъ.

Возвратясь въ домъ, предъ обѣдомъ, Его Величество разсматривалъ планы города и разныхъ зданій; во время обѣда разсуждалъ о климатѣ Петрозаводска, о произрастаніяхъ, о разведеніи дуба и способахъ сберегать дубовыя деревья. Послѣ обѣда осматривалъ городъ; былъ въ общественномъ Петровскомъ саду, разведенномъ Петромъ Великимъ, и

въ кварталѣ заводскихъ мастеровыхъ, извѣстномъ подъ именемъ Голиковки, гдѣ заходилъ въ нѣкоторые дома и знакомился съ внутреннимъ домашнимъ бытомъ рабочихъ.

Вечеромъ Его Императорскому Величеству благоугодно было присутствовать при пробѣ орудій морской артиллеріи. Офицеры и канониры, заряжающіе пушки, обыкновенно удалялись на время выстрѣла въ каменный казематъ, находящійся близъ пробной батареи, потому что при разрывѣ орудія осколки летятъ въ разныя стороны. Подобный случай произошелъ и теперь: при второмъ выстрѣлѣ разорвало одно 24-хъ фунтовое орудіе подъ № 16438; рвани полетѣли довольно высоко, но Александръ Павловичъ во все время пробы открыто стоялъ въ недальнемъ разстояніи отъ батареи и съ полнымъ спокойствіемъ духа слѣдилъ какъ за заряжаніемъ пушекъ и выстрѣлами, такъ и за полетомъ частей разорвавшейся пушки. Видя при этомъ смущеніе смотрителя завода Кларка, Государь подошелъ къ нему и сказалъ по англійски: «Эту пушку уже не нужно заряжать. Я очень радъ, что видѣлъ разрывъ орудія: это принадлежитъ тоже къ достопамятности Петрозаводска». Впрочемъ Его Величество изъявилъ желаніе имѣть подробныя свѣдѣнія о числѣ разорванныхъ при пробѣ пушекъ за такое время, за какое возможно собрать, съ показаніемъ, изъ какихъ именно печей орудія были отлиты, т. е. изъ доменныхъ или изъ воздушныхъ Свѣдѣнія эти изложены были за 22 года (1788—1819) въ особой вѣдомости, которая горнымъ начальникомъ представлена въ горный департаментъ 29 октября 1819 года, съ объясненіемъ причинъ разрыва пушки, пробованной въ присутствіи Государя.

Съ пробы Императоръ возвратился на квартиру и изволилъ разсматривать представленныя горнымъ начальникомъ свѣдѣнія и планъ предполагавшейся къ сооруженію заводской церкви. На вопросъ Государя: «Гдѣ эта церковь строится и какими средствами». Фуллонъ отвѣчалъ, что церковь предположено соорудить на мѣстѣ, назначенномъ на планѣ, конфирмованномъ Императрицею Екатериною II (т. е. на площади, гдѣ она и выстроена впослѣдствіи), и что на постройку ея мастеровыя жертвуютъ изъ своего жалованья по 2 коп. съ рубля. Однакожъ Александръ Павловичъ не одобрилъ тогдашняго плана церкви, сказавъ, что «каждое зданіе должно быть у мѣста и соотвѣтствовать употребленію и нуждамъ». Всѣ заведенія Александровскаго пушечнаго завода удостоились столь милостиваго Высочайшаго вниманія, что Государь

неоднократно выражалъ Фуллону свое удовольствіе и вечеромъ 7 августа Высочайше соизволилъ пожаловать его кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й степени; смотрителя Александровскаго завода маркшейдера Кларка наградилъ орденомъ Владиміра 4-й степени, а смотрителя Кончезерскаго завода и механика Олонецкихъ заводовъ, англійскаго художника—Смита чиномъ маркшейдера 9-го класса. Полковникъ Соломка, находившійся въ свитѣ Его Величества, препроводилъ къ г. Фуллону сто рублей, Всемилостивѣйше пожалованные въ награду мастеровымъ, занимавшимся 7 августа обмывкою и починкою дорожныхъ царскихъ экипажей; деньги эти распредѣлены между рабочими, сообразно трудамъ каждаго.

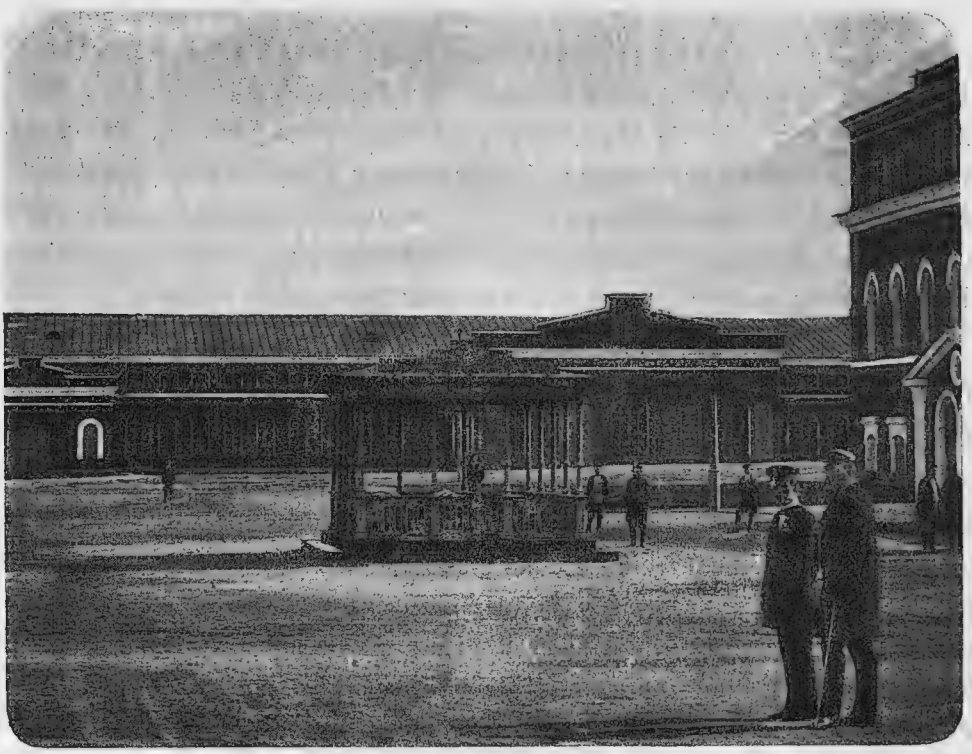
8-го августа, въ день отъѣзда, въ 5-ть часовъ утра, Государь, призвавъ г. Фуллона, сказалъ ему, что во время вчерашней прогулки, онъ осматривалъ кварталъ заводскихъ мастеровыхъ (Голиковку, гдѣ, говорятъ, до сихъ поръ стоитъ еще домъ, въ который заходилъ Александръ Павловичъ); что нѣкоторые дома тамъ опрятны и правильны, другіе, напротивъ, не имѣютъ сихъ качествъ; что въ заводской командѣ было бы удобно сохранить порядокъ по этой части, почему онъ возлагаетъ на начальника заводовъ обязанность—смотрѣть за внѣшнею и внутреннею опрятностію жилищъ мастеровыхъ. «Роскошь въ мебеляхъ—прибавилъ монархъ,—вовсе неумѣстна для мѣщанъ и ремесленниковъ; опрятность въ жилищахъ имѣетъ вліяніе не только на здоровье, но и на самую нравственность хозяевъ, которые, полюбя свои дома, дѣлаются отъ того счастливѣе». При прощаніи съ Фуллономъ, Его Величество сказалъ ему, что мѣстоположеніе Петрозаводска весьма ему понравилось и что онъ надѣется еще быть здѣсь. Рано утромъ Александръ Благословенный выѣхалъ изъ Петрозаводска, оставивъ въ немъ достопамятные слѣды своего пребыванія.

Петрозаводское городское общество обязано Высочайшему посѣщенію Императора Александра I-го пожалованіемъ городу лѣсной дачи и значительнымъ денежнымъ пособіемъ изъ земскихъ сборовъ, которымъ пользуется донынѣ. Въ бытность Государя въ Петрозаводскѣ, городской голова Ждановъ, во всеподданнѣйшей докладной запискѣ о нуждахъ общества, ходатайствовалъ объ отводѣ городу строевой и дровяной лѣсныхъ дачъ, на что тогда же послѣдовало личное Всемилостивѣйшее соизволеніе Его Величества. Изъ дѣлъ городской думы видно, что дача строевого лѣса отведена городу 23 іюля 1822 г. изъ Шуйской и Святозерской лѣсныхъ дачъ, въ количествѣ 5307 дес. 1242 саж. Что же

касается дровяной, то переписка о ней тянулась безъ малаго 30 лѣтъ. Въ 1821 году было предложено отрѣзать городу участокъ дровяного лѣса изъ горнозаводскихъ дачъ въ 10400 дес.; но при осмотрѣ этого участка въ 1833 году, по заявленіямъ думы, дача дровяного лѣса, предложенная городу, оказалась уже истощенною порубками для завода и заводскихъ крестьянъ до такой степени, что пріобрѣтеніе ея было бы совершенно безполезно. Общество ходатайствовало объ отводѣ, въ замѣнъ этого участка, другого болѣе благонадежнаго, но на это не согласилось вѣдомство заводовъ и дровяная дача, заключающая 10400 десятинъ, принята была въ вѣдѣніе города, въ 1848 году. По составленному въ 1850 году землемѣрному описанію, въ пожалованныхъ городу двухъ участкахъ оказалось 15,198 дес. 677 саж. Кромѣ пожалованія лѣсныхъ участковъ, Высочайше утвержденнымъ 17 января 1825 г. мнѣніемъ комитета г.г. министровъ, назначено производить въ пользу г. Петрозаводска, на полицейскія нужды, по 12000 р. ассигнаціями изъ земскихъ сборовъ Олонецкой губерніи. До введенія въ Олонецкой губерніи земскихъ учрежденій сумма эта ассигновалась по смѣтамъ на государственныя земскія повинности, нынѣ же отпускается изъ губернскихъ земскихъ сборовъ.

Въ память посѣщенія Императоромъ Александромъ Благословеннымъ Александровскаго завода, выстроенная чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ горнозаводская церковь названа Александро-Невскою, по главному придѣлу во имя святаго его соименника—героя Невскаго, благовѣрнаго князя Александра. Начальство Александровскаго завода, желая сохранить для потомства двѣ пушки: одну вылитую въ присутствіи Александра I-го, а другую, окованную его царскими руками, предположило устроить для этихъ достопамятностей, въ срединѣ завода, чугунный портикъ. По докладѣ г. министру финансовъ письма объ этомъ г. горнаго начальника Фуллона къ директору горнаго департамента, въ январѣ 1820 года, предложеніе это утверждено, съ разрѣшенія употребить на устройство портика до 3000 руб. изъ пятипроцентныхъ хозяйственныхъ суммъ на поправку заводскихъ строеній. Портикъ устроенъ въ 1823 году и торжественное его открытіе и освященіе послѣдовало 23 сентября. На карнизикѣ портика надпись вызолоченными буквами: «1819 г. 7 августа Александръ I-й въ Петрозаводскѣ». Въ портикѣ двѣ пушки морской артиллеріи, одна 24-хъ фунтоваго калибра подъ №-мъ 16672, другая 36-ти фунтоваго калибра подъ № 16581, съ слѣдующими высѣченными на нихъ надписями: на первой—„сія пушка отлита

въ присутствіи Государя Императора Александра I-го, августа 7-го дня 1819 г."; на второй—„сію пушку Императоръ Александръ I-й изволилъ оковывать собственною Своею рукою августа 7-го дня 1819 г." Окованное Царскою рукою пространство обозначено на самой пушкѣ серебряною пунктировкою. Молотокъ хранится въ горномъ правленіи въ особомъ стеклянномъ ковчегѣ, также съ особою надписью.



Портикъ во дворѣ Александровскаго завода въ Петрозаводскѣ, устроенный въ память посѣщенія Императора Александра I-го.

Нѣкоторые изъ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ утруждали Его Императорское Величество всеподданнѣйшими жалобами на отягощеніе ихъ, въ сравненіи съ другими государственными крестьянами, которое они претерпѣваютъ отъ исполненія возложенныхъ на нихъ, по манифесту 21 мая 1779 года, заводскихъ работъ. Объяснительная противъ этой жалобы записка была подана горнымъ начальникомъ г. Фуллономъ сопутствовавшему Государю статсъ-секретарю Муравьеву 9 августа 1819 года. Въ этой запискѣ Фуллонъ, сознавая трудность для крестьянъ возложенныхъ на нихъ заводскихъ работъ, доказываетъ, что эта система, по опыту многихъ лѣтъ, есть наилучшее средство къ ус-

пѣшнѣйшему дѣйствію заводовъ – обязательнаго труда крестьянъ—подвергнетъ оные крайнему разстройству и на долгое время остановитъ дальнѣйшее ихъ усовершенствованіе.

6 августа, во время прибытія Государя въ Петрозаводскъ, супруга августѣйшаго брата Его, Великаго Князя Николая Павловича, Государыня Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ дочери Великой Княжны Маріи Николаевны, впослѣдствіи супруги Герцога Лейхтенбергскаго. Императоръ Александръ Павловичъ встрѣтилъ посланнаго изъ Петербурга фельдъегеря съ извѣстіемъ о рожденіи Ея Императорскаго Высочества, на пути изъ Петрозаводска къ Олонцу, между Половинскою и Пряжинскою станціями. Прибывъ въ Пряжинскій погостъ, Его Величество изволилъ повелѣть отслужить въ здѣшней церкви въ присутствіи его, благодарственное Господу Богу молебствіе, по случаю столь радостнаго событія.

О посѣщеніи Императоромъ Александромъ Павловичемъ Пряжинскаго и Святозерскаго погостовъ сохранились слѣдующіе разсказы старожиловъ.

8-го августа, съ ранняго утра, въ сел. Пряжи, собралось въ церкви духовенство Пряжинскаго и сосѣдняго Салменижскаго приходовъ, въ праздничномъ облаченіи, и множество народа. Долго ждали Государя; между тѣмъ, изъ Петербурга проѣхало два курьера и отъ послѣдняго узнали о рожденіи Великой Княжны. Съ глубокой радостью принята была эта вѣсть: кто кричалъ «ура», иной падалъ на колѣни, другіе крестились и со слезами на глазахъ говорили: «Вотъ будетъ любо Царю, что родилась княжна..... и къ намъ пріѣдетъ онъ милостивый и веселый». Не прошло и получаса послѣ проѣзда второго курьера, какъ зазвонили въ колокола и Государь, вышелъ изъ экипажа, вступилъ въ церковную ограду. Пряжинскій священникъ Іоаннъ Бутыра встрѣтилъ его у церкви со св. крестомъ. Государь прежде всего пожелалъ благословенія священника, который долго не рѣшался и, только по настоятельному требованію Его Величества, благословилъ его, хотѣлъ поцѣловать державную руку, но былъ остановленъ словами Александра Павловича: «Тебѣ не довлѣетъ цѣловать моей руки», при этомъ Государь поцѣловалъ руку священника, приложился ко кресту и, при пѣніи «Спаси, Господи, люди твоя», вошелъ во храмъ, объявилъ духовенству о рожденіи Великой Княжны»; о семъ радостномъ событіи приказалъ тотчасъ отслужить молебствіе, въ продолженіе котораго громо-

гласно пѣлъ на клиросѣ съ дьячкомъ Ѳедоромъ Пряжинскимъ. Когда діаконъ, возглашая многолѣтіе, растерялся и позабылъ имя высоковорожденной, Монархъ подсказалъ ему съ улыбкою: «Марія, Марія». По выходѣ изъ церкви, Благословенный изволилъ дать духовенству 100 руб., сказавъ: «это на весь клиръ за первое молебствіе о здравіи новорожденной княжны: молитесь и впредь о здравіи ея». Въ оградѣ церковной крестьянинъ Іовъ Макаровъ поднесъ Его Величеству старинную монету и удостоился получить за это 25 рублей ассигнацію. Затѣмъ, напутствуемый криками «ура», Государь сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ въ Святозеро.

Въ церкви Святозерскаго прихода Государь, присутствуя при краткомъ молебствіи, также пѣлъ на клиросѣ, съ дьячкомъ Васильемъ Григорьевымъ. Испуганный близостью Царя, дьячекъ пѣлъ неправильно и, когда Александръ Павловичъ, слегка ударивъ его по плечу, сказалъ: «вмѣстѣ, старикъ, вмѣстѣ—не разноглась», такъ оробѣлъ и растерялся, что упалъ на колѣни. Выйдя изъ церкви, въ сопровожденіи духовенства, Его Величество велѣлъ священникамъ возвратиться и пѣть молебенъ о здравіи новорожденной своей племянницы. Когда Государь шелъ отъ церкви до станціоннаго дома, одинъ изъ генераловъ свиты говорилъ народу: «мужички и вы, старушки и молодушки, смотрите государя: онъ идетъ по лѣвую, а генералъ (князь Волконскій) по правую руку». Монархъ изволилъ обратить вниманіе на нарядъ корелокъ и, выхваляя его, спросилъ: есть ли здѣсь матушка—попадья». Хотя она и была въ толпѣ, но подойти къ Государю не посмѣла. Между тѣмъ, дочь ея, крестьянка Марѳа Филиппова съ мужемъ Петромъ Авксентіевымъ, подошла къ монарху и сказала: «я—попова дочка», а мужъ ея просилъ Его Величество осчастливить домъ ихъ Высочайшимъ посѣщеніемъ. Пробывъ въ домѣ около 5-ти минутъ, Государь похвалилъ хозяйку за порядокъ и чистоту, пожаловалъ ей 25 руб., а внучкѣ ея, Матронѣ, качавшейся еще тогда въ люлькѣ, положилъ подъ подушку золотой полуимперіалъ сказавъ: «пусть это будетъ въ приданое ей». Провожая Государя, Авксентіевъ разсказалъ ему преданіе о посѣщеніи Петромъ Великимъ Святозерскаго острова, гдѣ онъ началъ рубить ель и заболѣлъ. Александръ Павловичъ замѣтилъ: «что ты разсказалъ, о томъ нигдѣ не упоминается». Около получаса Благословенный провелъ въ Святозерѣ и уѣхалъ, напутствуемый радостными народными криками.

При перемѣнѣ лошадей на Коткозерской станціи, Императоръ посѣтилъ мѣстную приходскую церковь, гдѣ былъ встрѣченъ священникомъ, со св. крестомъ. Когда Государь приложился ко кресту, священникъ хотѣлъ поцѣловать его руку, но монархъ устранилъ ее.

За 4-ре версты отъ г. Олонца, Государя встрѣтили четыре ратника изъ бывшей милиціи (ополченія Олонецкихъ стрѣлковъ 1812 г.). Его Величество, остановясь, милостиво разговаривалъ съ ними и пожаловалъ по 25 руб. каждому. На 4-й верстѣ, при поворотѣ дороги у рѣки Олонки, привѣтствовали Государя крестьяне и крестьянки, собравшіеся во множествѣ громкими криками «ура»; женщины стояли рядомъ по одной сторонѣ дороги, мужчины стояли по другой. Изъ среды этой восторженной толпы, двое крестьянъ (одинъ дер. Тимолицъ Семенъ Балашовъ, имя другаго неизвѣстно) поднесли хлѣбъ-соль, каждый отъ себя, и были удостоены царскимъ разговоромъ, въ продолженіе котораго толпа окружила Государя со всѣхъ сторонъ и съ восхищеніемъ глядѣла на него, а затѣмъ погналась вслѣдъ за экипажами къ городу.

Въ г. Олонецъ Его Величество изволилъ прибыть 8-го августа въ 7 часовъ по полудни. Сюда собрался народъ изъ ближайшихъ селеній, расположенныхъ почти сплошь на протяженіи 10-ти верстъ по р.р. Олонкѣ и Мегрегѣ, вокругъ города. У городской заставы Императоръ былъ встрѣченъ городничимъ, а въ самомъ городѣ, у наплавнаго моста черезъ Олонку-гражданами города съ городскимъ головою Гавріиломъ Абрамовымъ, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ и при радостныхъ народныхъ крикахъ «ура». Восторгъ былъ всеобщій, увлекаясь которымъ даже позабыли хлѣбъ, назначенный для поднесенія Вѣнценосному Посѣтителю; сердечная радость на всѣхъ лицахъ какъ бы искупала неисполненіе этого священнаго для русскихъ подданныхъ долга. Монархъ, проѣзжая къ дому наслѣдниковъ купцовъ Серебряковыхъ, назначенному для Высочайшаго пребыванія, привѣтствовалъ окружающую толпу живою улыбкою. У воротъ дома *) встрѣтили Государя хозяйка—Олонецкая купеческая вдова и именитая гражданка Наталія Михѣевна и сынъ ея Михаилъ Акимовичъ Серебряковы, съ хлѣбомъ-солью. Государь поздоровался съ ними, поцѣловалъ мать и сына, и былъ вве-

*) Къ сожалѣнію новымъ хозяиномъ типичная архитектура этого дома совершенно уничтожена и домъ перестроенъ въ измѣненномъ видѣ.

день въ комнаты, въ верхнемъ этажѣ. Спустя немного времени, онъ появился у окна—и со всѣхъ сторонъ передъ домомъ загремѣло «ура», многочисленной толпы, прибѣжавшей сюда по слѣдамъ царскаго поѣзда.

Домъ въ г. Олонцѣ, въ которомъ останавливался въ 1819 году Императоръ Александръ I-й.

Императора, между тѣмъ, ожидали въ церкви Смоленской Божіей Матери, духовенство, чиновники и многіе изъ гражданъ; но какъ церковь, эта была не по пути и далѣе квартиры, то Государь, вѣроятно не зная объ этомъ, проѣхалъ прямо къ Серебряковымъ. Вскорѣ Его Величество послалъ за священникомъ и, объявивъ ему о полученномъ дорогою радостномъ извѣстіи, приказалъ отслужить въ завтрашній день 9-го августа, благодарственный молебенъ. Священникъ этотъ былъ Александръ Прилежаевъ, (соборный же протоіерей Илія Ивановъ оставался въ это время въ храмѣ, въ полномъ облаченіи, на случай посѣщенія Его Величества), служившій при Олонецкомъ Николаевскомъ соборѣ; явившись, онъ преклонилъ колѣна, но монархъ милостиво приказалъ ему подняться и получилъ отъ него благословеніе. Выйдя затѣмъ на балконъ, Императоръ объявилъ о рожденіи Великой Княжны Маріи Николаевны народу, который толпился предъ окнами почти всю ночь и, казалось, забылъ сонъ и пищу. Вечеромъ, домъ и весь городъ были иллюминованы. Того же 8-го августа, въ городѣ Олонцѣ, былъ подписанъ Высочайшій манифестъ о рожденіи Государыни Великой Княжны

Маріи Николаевны; манифестъ этотъ, для всенароднаго объявленія, Его Величество передалъ священнику Прилежаеву.

Утромъ 9-го августа, имѣли счастіе являться къ Его Величеству съ поздравленіями чиновники и городской голова съ гражданами. Торжественная литургія и благодарственное молебствіе по случаю рожденія Великой Княжны были отправлены въ церкви Смоленской Божіей Матери, куда Императоръ прошелъ отъ квартиры пѣшкомъ. Храмъ былъ переполненъ народомъ. По окончаніи божественной службы, Его Величество пожертвовалъ на храмъ 500 руб. асс. и въ пользу причта также 500 руб. асс. Замѣтивъ, что церковь ветха и выслушавъ объясненіе мѣстнаго духовенства, что на исправленіе ея не имѣется средствъ, Александръ Павловичъ изволилъ обѣщать на это 20000 рублей, что и исполнено было.

Изъ церкви монархъ отправился на квартиру также пѣшкомъ и по той же дорогѣ. Въ соборѣ было нѣсколько дѣвицъ въ русскихъ національныхъ нарядахъ. При выходѣ изъ церкви, Государь обратился къ одной изъ нихъ—мѣщанской дѣвицѣ Иринѣ Мартыновой и спросилъ: «какой это нарядъ (женскій или дѣвичій), и почему ихъ немного». Мартынова отвѣчала, что не всѣ такую одежду имѣютъ. Откушавъ на квартирѣ, августѣйшій путникъ, около 2-хъ часовъ распростился съ хозяевами; матери Серебряковой Всемилостивѣйше изволилъ пожаловать фермуаръ, а сыну – брилліантовый перстень, но всего драгоцѣннѣе остался для нихъ ласковый привѣтъ Благословеннаго. Диванъ, на которомъ онъ изволилъ отдыхать, хранился въ гостинной Серебряковыхъ, какъ святыня; на немъ, на серебряной досечкѣ, сдѣлана была надпись: «1819 года августа 8 дня, Его Императорское Величество Александръ I Благословенный, въ бытность Свою въ городѣ Олонцѣ, въ домѣ Серебряковыхъ, изволилъ опочивать на семъ диванѣ». Диванъ этотъ пріобрѣтенъ И. Д. Макаровымъ, завѣдующимъ нынѣ Видлицкимъ заводомъ. Къ сожалѣнію ремонтомъ дивана искажена историческая цѣнность его.

Изъ Олонца путешествіе продолжалось въ Финляндію, по Сердобольскому тракту. Въ Ильинскомъ погостѣ (въ 12-ти вер. отъ города по этому тракту), Государь заходилъ въ церковь пророка Иліи, и затѣмъ пожелалъ посѣтить одну изъ древнихъ обителей нашего края, основанную въ XVI столѣтіи—Ондрусову—Николаевскую пустынь, находящуюся въ 22-хъ верстахъ отъ г. Олонца на сѣверо-западъ.

Въ жизни основателя пустыни, преподобнаго Адріана (по корельски «Ондрусъ») былъ замѣчательный случай, сохранившійся въ народномъ преданіи и подтверждающійся «Никоновой Лѣтописью». Адріанъ, называвшійся въ мірѣ Андреемъ, происходилъ изъ дворянскаго рода Завалишиныхъ и былъ царедворцемъ Іоанна III Васильевича. Проживая въ родной отчинѣ близъ Ладожскаго озера, однажды, во время охоты, онъ встрѣтилъ отшельника, преподобнаго Александра Свирскаго чудотворца, подвизавшагося тогда еще въ уединенной хижинѣ. Слѣдствіемъ частыхъ и долгихъ бесѣдъ съ угодникомъ для Андрея была иноческая жизнь: онъ сдѣлался сперва схимонахомъ Валаамскаго монастыря, а потомъ, избравъ уединенное мѣсто на берегу Ладожскаго озера, основалъ новую обитель. Въ 1549 году старецъ Адріанъ отправился въ Москву. Первопрестольный городъ ожидалъ тогда разрѣшенія отъ бремени добродѣтельной царицы Анастасіи Романовны, супруги Іоанна Грознаго. Преданіе говоритъ, что бояре, по древнему суевѣрію, чтобы упрочить здравіе и долгоденствіе ожидаемаго младенца, посовѣтовали царю взять перваго воспріемника, котораго встрѣтятъ на дорогѣ. Но во избѣжаніе несчастной, по предразсудкамъ, встрѣчи съ монахомъ, отданъ былъ приказъ, чтобы подъ смертною казнію, до совершенія крещенія царственнаго младенца, не смѣлъ показываться ни одинъ черноризецъ на улицахъ московскихъ. Ночью на 1-е августа царица родила дочь и первымъ встрѣчнымъ на улицѣ оказался Адріанъ. На угрозы раздраженнаго царя старецъ отвѣчалъ, что еще вчера вечеромъ находился за «сто поприщъ» отъ Москвы и недоумѣваетъ, какъ теперь очутился въ столицѣ. Посланные въ указанное мѣсто гонцы удостовѣрили справедливость словъ и, узнавъ въ благочестивомъ старцѣ бывшаго царедворца, Іоаннъ удостоилъ его чести быть воспріемникомъ своей дочери, царевны Анны. На возвратномъ пути изъ Москвы, 15-го мая 1550 года, за 20 верстъ отъ обители, въ дремучемъ лѣсу близъ деревни Обжи, на старца напали разбойники и убили; тѣло его было обрѣтено осиротившей братіей уже черезъ два года, въ болотѣ, зарытое въ мохъ.

Замѣчательная ли жизнь основателя пустыни, или другое настроеніе и другія причины побудили Александра Павловича посѣтить уединенную обитель, неизвѣстно. Оставя свиту свою на правомъ берегу

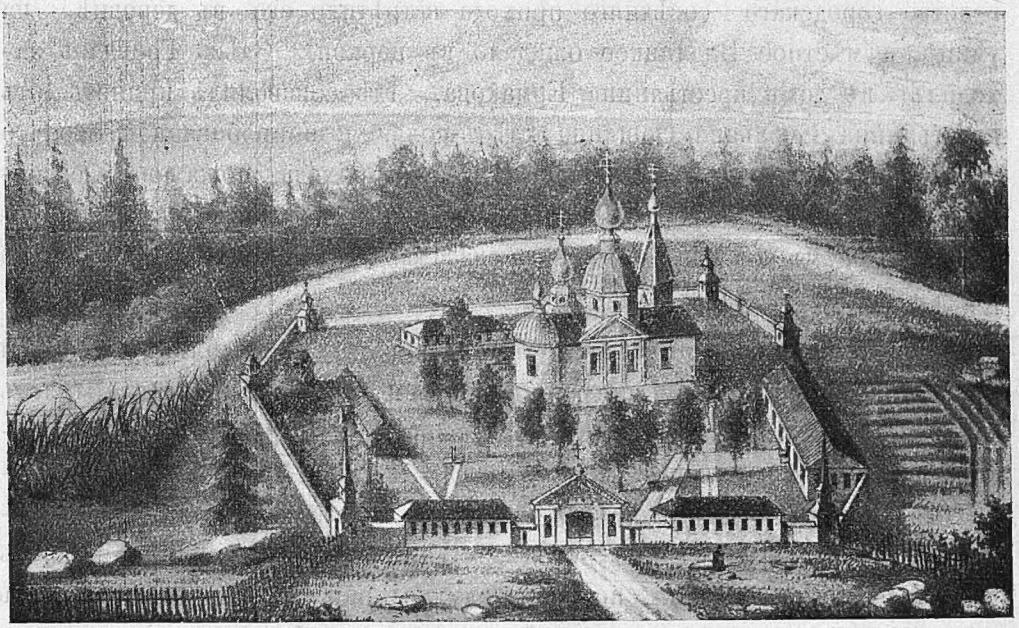
рѣки Олонки, въ Ильинскомъ приходѣ, Государь переправился въ рыбачей лодкѣ *) изъ дер. Юкселицъ на противоположный берегъ, въ дер.

Лодка, въ которой Императоръ Александръ I-й переѣзжалъ р. Олонку по пути въ Ондрусову пустынь.

Зивчалу, откуда пролегала тропинка къ пустынѣ. Одному изъ перевозчиковъ Осдору Богданову, пожаловалъ красную ассигнацію —10 рублей. Мѣстные чиновники докладывали, что дорога идетъ болотами и лѣсомъ, удобна лишь для верховой ѣзды и то съ трудомъ: но, не смотря на это, Государь приказалъ подать лошадь и, въ сопровожденіи крестьянина д. Большаковой, (на низовьѣ рѣки Олонки) Ермолая Маніева, поѣхалъ къ обители. За двѣ версты отъ пустыни, лошадь, испуганная какимъ то другимъ домашнимъ животнымъ, споткнулась. Отдавъ ее проводнику, Александръ Павловичъ продолжалъ путь пѣшкомъ. Завидѣвъ обитель, благочестивый монархъ обнажилъ голову и долго молился на святые храмы, пока настоятель съ братіею не вышли изъ святыхъ воротъ на встрѣчу. Принявъ благословеніе старцевъ, Государь, приказалъ проводить себя къ мощамъ угодника Божія. Въ церкви святителя Николая Его Величество останавливался молиться предъ чудотворною иконою святителя, приложился къ ней и къ мѣстнымъ обра-

*) Лодка эта хранилась у купцовъ Редуевыхъ, въ Верховьѣ, въ выселкѣ „Половой“, гдѣ былъ ихъ лѣсопильный заводъ. При пожарѣ лодка уничтожена вмѣстѣ съ домомъ въ 1850 годахъ.

замъ. Въ маленькой церкви, устроенной С. Ѳ. Чусовымъ (нынѣ на этомъ мѣстѣ соборъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы), гдѣ почиваетъ преподобный Адріанъ, Императоръ положилъ три земные поклона и преклонилъ колѣна предъ могилою Богомъ посланнаго кума прабабки своей царицы Анастасіи Романовны. Нѣсколько минутъ онъ оставался въ этомъ благоговѣйномъ положеніи и когда всталъ, иноки замѣтили, что глаза его были увлажены слезами.



Ондрусово-Николаевская пустынь.
(Съ литографіи П. Борель).

При выходѣ изъ церкви, Государь изъявилъ желаніе принять гостепріимство пустынниковъ въ настоятельскихъ келіяхъ и собрать туда всю братію. Около часа онъ велъ со старцами бесѣду о благоугожденіи Богу, и когда строитель, между прочими разговорами, выразилъ: «какъ много осчастливлена наша пустыня посѣщеніемъ Вашего Величества»,— Александръ Павловичъ отвѣчалъ, съ свойственною ему кротостію: «Что-жъ. Я такой же человѣкъ».

Чрезъ нѣсколько времени, въ память своего посѣщенія, благочестивый монархъ прислалъ въ пустыню царскіе дары: серебряные позолоченые сосуды и годовой кругъ богослужебныхъ книгъ.

Тѣмъ же путемъ, благочестивый путникъ возвратился съ своимъ проводникомъ въ дер. Зивчалу, къ ожидавшей его лодкѣ. При переѣздѣ

обратно чрезъ рѣку, когда лодка стала приближаться къ берегу, нѣсколько человѣкъ изъ ожидавшихъ здѣсь крестьянъ, взошли въ воду и, схвативъ лодку съ сидѣвшимъ въ ней Царемъ, вытащили ее на сушу съ громкими криками «ура». Народное усердіе видимо было пріятно монарху и онъ благодарилъ мужиковъ за ихъ преданность.

Далѣе Его Величество останавливался въ сел. Видлицы, гдѣ народъ ожидалъ его, одѣвшись въ лучшіе наряды, за деревнею. Духовенство городскаго сосѣдняго прихода встрѣтило его въ деревнѣ, на улицѣ, а мѣстное Видлицкое ожидало въ церкви. Здѣсь Государь заходилъ въ домъ крестьянина Ермакова, гдѣ соизволилъ принять отъ крестьянина Емельяна Ѳешкина хлѣбъ-соль, и попробовавъ нѣсколько ягодъ, поднесенныхъ крестьянкою Горскаго прихода, пожаловалъ ей синюю ассигнацію —5 руб. Замѣтивъ на улицѣ одну женщину въ дорогомъ штофномъ костюмѣ, Монархъ сказалъ: «Одѣваются хорошо, да по русски-то не говорятъ».

Около полуночи 9-го августа, Императоръ вступилъ въ предѣлы Финляндіи и ночевалъ на пограничной станціи Сальмисъ, гдѣ находились тогда лѣсопильные заводы графини Орловой. По прибытіи въ Сердоболь, 10-го августа, Онъ предпринялъ поѣздку въ Валаамскій монастырь, куда пріѣхалъ на монастырской соймѣ, въ 10-ть часовъ вечера, при довольно бурной погодѣ. Благочестивый монархъ пробылъ двое сутокъ въ обители, посѣщая службы наравнѣ съ монахами; въ церковь, приходилъ всегда первый и, во время богослуженія, стоялъ съ величайшимъ благоговѣніемъ.

Возвратившись съ Валаама въ Сердоболь, Его Величество продолжалъ путь на Куопіо. Затѣмъ посѣтивъ Улеаборгъ и Торнео, возвратился въ С.-Петербургъ въ ночь съ 2-го на 3-е сентября.

Вѣчная, вѣчная славная память тебѣ Царь Благословенный! Да будутъ эти строки вѣнкомъ благодарныхъ Олончанъ на Твою могилу за всѣ милости и вниманіе къ Олонецкому краю. Предки наши самимъ дѣломъ показали самоотверженную преданность къ Государю Императору Александру Павловичу, столь доблестно вынесшему тяготы страшной Отечественной войны. Пусть это послужитъ примѣромъ подражанія нашимъ потомкамъ въ минуту опасности также стойко и твердо служить Своему дорогому Царю за честь и достоинство своего великаго отечества.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА